

ЦАРСКИЙ ДОМ

А.В. Богданович

ТРИ
САМОДЕРЖЦА
ДНЕВНИКИ ГЕНЕРАЛЬШИ
БОГДАНОВИЧ

Александра Викторовна Богданович

Три самодержца. Дневники

генеральши Богданович

Серия «Царский Дом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40424715

Богданович А. В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович.

ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2015

ISBN 978-5-4484-7324-1

Аннотация

Хозяйка модного салона эпохи заката Российской Империи, жена генерала Е. В. Богдановича – вот кем была Александра Викторовна Богданович, автор дневников, составляющих эту книгу. Живописуя в издаваемых ими брошюрах гармоничный союз мудрого Царя с народом-богоносцем, Богдановичи, при всей своей декларативной ультрапатриотичности, собирали скандальные сплетни великосветского закулисья – свидетельства мелких, сиюминутных страстей, которыми было пропитано высшее общество. В дневниках А. В. Богданович, – безусловно, интересных, подчас «гламурных», – и все три Самодержца, которых она знала, предстают не Помазанниками Божьими, а простыми людьми, в силу исторической случайности облеченными властью. Не бросая тень на самих Императоров, эти дневники наглядно и беспощадно передают картину распада

монархического мироощущения и неизбежность трагического крушения Монархии.

Содержание

Предисловие	6
1879 год	22
1880 год	33
1881 год	60
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Александра Богданович Три самодержца. Дневники генеральши Богданович

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Боханов А. Н., предисловие, 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие

В центре Санкт-Петербурга, на Исаакиевской площади, стоит трехэтажный особняк (дом № 9), построенный архитектором А. Ринальди в 60-е годы XVIII века для любимца Екатерины II, обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина (1733–1799). Позже дом принадлежал поэту и камергеру И. П. Мятлеву (1796–1844), по имени которого он до сих пор называется в петербургских путеводителях «домом Мятлева».

Во второй половине XIX века особняк перешел в собственность к Евгению Васильевичу Богдановичу (1829–1914). Это была приметная в свое время фигура в ареопаге Самодержавия: генерал-от-инфантерии, член Совета министра внутренних дел. С конца XIX века Е. В. Богданович состоял старостой (ктитором) Исаакиевского собора в Петербурге, был почетным членом «Исаакиевского братства» и издавал различные книги и брошюры «патриотического» содержания. Женат он был на дочери егермейстера В. Н. Бутовского – Александре Викторовне (1835–1914), перу которой и принадлежит публикуемый дневник.

Это – известный документ эпохи заката Монархии в России. Он интересен в первую очередь тем, что показывает умонастроения тех элементов русского общества, которые обычно именуются консервативно-монархическими. Здесь уместно одно пояснение.

Дневник А. В. Богданович под названием «Три последних Самодержца» был издан в Петрограде через несколько лет после падения в Монархии. Потом его несколько раз переиздавали, и ссылки на него стали почти ритуальными. Трудно найти книгу, посвященную последним десятилетиям существования Исторической России, где бы они отсутствовали. При этом сам оригинал дневника исчез без следа, и все воспроизведения (как и нынешнее) дублируют первую публикацию. Однако даже при беглом просмотре текста невозможно не заметить, что это – некая выжимка, произведенная неизвестно кем. В тексте пропущены не только месяцы, но и целые годы. Поденные же дневниковые записи вопиюще несоразмерны по объему: от пространных повествований до одной-двух строк.

Сейчас можно только гадать о том, какими соображениями руководствовались те, кто производил подобную вивисекцию материала. Самое правдоподобное предположение, что здесь сыграл определяющую роль идеологический ангажемент. Победившей партии большевиков и их присным, которые тогда уже полностью определяли издательскую политику в стране, требовались лишь «документы истории», подтверждающие партийный тезис о «вырождении» и «гниении» верхов накануне 1917 года. И свидетельства «яркой монархистки» А. В. Богданович пришлись как нельзя кстати. Причем, как можно заключить, были опубликованы лишь те фрагменты, которые в максимальной степени соответствова-

ли новым, революционным представлениям.

В этой связи невольно напрашивается историческое резюме: каков же должен быть уровень воззрений подобных монархистов, если их оценки так приглянулись коммунистическим человеконенавистникам! Аналог подобной мировоззренческой «диффузии» крайне правых и крайне левых элементов политического спектра невозможно отыскать в истории.

Чета Богдановичей держала в своем доме «салон», которых тогда немало существовало в столичных особняках и где формировалось то, что называлось «общественным мнением». Именно в таких закрытых собраниях происходили встречи различного рода людей, обсуждавших, осуждавших и создававших известный общественный климат, окружавший и политических и государственных деятелей и различные значимые (и не очень) события окружавшей действительности. Порой в таких местах служебные карьеры не только создавались, но и низвергались.

В ряду этих «центров» и «центриков» влияния салон Богдановичей занимал особое место. Правда, неизвестно ни одного случая, чтобы чья-то служебная звезда закатилась или взошла благодаря усилиям генерала Богдановича и его салона. Но «общественную тень», как, впрочем, и лоск, на портрет того или иного деятеля в доме на Исаакиевской наводить умели.

Хозяева не принадлежали к кругу аристократической или

бюрократической элиты. Владелец особняка получил свой генеральский чин не за военные заслуги, хотя в далекой молодости и участвовал в нескольких военных кампаниях, а за «усердие» на ниве пропаганды монархизма. Любезный, услужливый, умеющий подстраиваться в «тон» начальства, Богданович умел ладить с совершенно разными людьми, которые занимали посты министров внутренних дел в конце XIX – начале XX века. Он оставался членом Совета министра долгие годы и исправно получал субсидии из министерских фондов на свою издательскую деятельность.

К тому же он прекрасно владел, как бы теперь сказали, «мастерством пиара», умел производить впечатление большого, или, уж во всяком случае, значимого человека. Говорили, что он состоял в переписке с Царями Александром III и Николаем II, что он сообщал им регулярно свои «мысли» по делам внешней и внутренней политики. В чиновно-иерархической системе подобные связи многого стоили; здесь таилась, как некоторым казалось, перспектива получить важную «протекцию».

Конечно, во всем этом показном «величии» было много фанфаронства, а порой и явной фанаберии, но в тех условиях роль генерала казалась весьма значительной. Теперь же можно точно утверждать, что какого-либо «влияния» на Верховную Власть генерал никогда не оказывал, хотя и написал несколько писем Самодержцам. Но подлинная диспозиция была в те годы мало кому ведома, и представители чи-

нового мира, «на всякий случай» старались поддерживать с Богдановичем любезные отношения.

Многие из тех, кто переступал порог дома на Исаакиевской, принадлежали к сливкам петербургского чиновного «бомонда». Достаточно назвать только несколько наиболее колоритных имён: С. Ю. Витте (министр финансов, председатель Совета министров), Н. М. Баранов (петербургский градоначальник, архангельский и нижегородский губернатор), П. С. Ванновский (военный министр и министр народного просвещения), П. Н. Дурново (директор Департамента полиции, министр внутренних дел), Н. В. Клейгельс (варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник), А. Н. Куломзин (управляющий делами Комитета министров), П. И. Рачковский (шеф заграничной агентуры Департамента полиции), П. К. Плеве (директор Департамента полиции, министр внутренних дел), В. А. Сухомлинов (начальник Генерального штаба, военный министр), петербургский митрополит Антоний, писатель, книгоиздатель и владелец влиятельной газеты «Новое время» А. С. Суворин.

Фигур же меньшего общественного калибра вообще трудно перечислить. Тут бывали не только министры, влиятельные чиновники, военные и полицейские чины, но и дамы света (и «полусвета»), финансовые дельцы, различного рода «деятели», но непременно с «патриотической окраской».

Принимали у Богдановичей и людей вообще, что назы-

ваются, без роду и племени, которые никаких заметных постов и влияния не имели, но близко стояли к тем, кто находился на вершине властной пирамиды, особенно тех, кто служил в Царском Доме. Естественно, что кучеров, лакеев и камердинеров за общий стол не сажали, но они получали щедрое «вспомоществование», так как приносили Богдановичам свежую информацию об интимной жизни своих Хозяев. Не беда, если эта «информация» в силу своей немыслимости во многих случаях напоминала баснословные сказания – информаторы знали, за что им платили, и, стараясь угодить «благодетелям», сочиняли небылицы.

Генерал и его жена с жадностью слушали и верили всему, что порочило власть, но особенно – Коронноносителей. Самое потрясающее во всей этой истории, что хозяева салона называли себя «монархистами», но с каким-то страстным мазохизмом безоговорочно принимали на веру практически всё, что дискредитировало и порочило Верховную Власть. Это особенно ярко проявилось в распутинской истории, которая вся, в том виде как ее изобразила на страницах дневника А. В. Богданович, не просто тенденциозна, но и полностью лжива. Подобная аберрация зрения и восприятия – знак деградации, показывающей со всей неприглядностью степень вырождения тех, кто считался записным «хранителем исторических основ».

Естественно, что этот процесс эрозии убеждений неминуемо вел к убыванию энергии в рядах «монархистов». «Де-

ло монархии» впервые за многие века переставало быть «делом жизни» для тех, кто именовал себя монархистами, роняя слезу при исполнении гимна «Боже, Царя храни!». Когда же надо было доказать на деле свою преданность, встать на защиту и Монарха и Принципа, то выяснилось, что в столице Империи таковых уже фактически не имелось.

Вся фабула Февральской революции 1917 года показала воочию, что в Петербурге-Петрограде защищать «исконные основы» уже было некому. Потом, когда кое-кому из числа «преданных монархистов»-очевидцев тех дней удалось выбраться за пределы обезумевшей России и очутиться на чужбине, некоторые взялись за перо и начали поливать грязью Убитых Венценосцев. Общий мотив в таких писаниях всегда один: на Престоле оказалась «не тот Царь». Про свою ничемность, про свое предательство старались не вспоминать; никто не покаялся.

Богдановичам повезло. Они не дожили до «торжества свободы». Они умерли тихо и мирно в своем особняке и удостоились похорон «по первому разряду». Правда, вскоре после того как пал «плохой Царь», могилу супругов Богдановичей разорили, прах выбросили из могил и место сровняли с землей. Но это уже другая тема...

Карьерный интерес заставлял многих лиц, занимавших весьма заметные посты в административном аппарате, посещать дом на Исаакиевской и делиться с хозяином определенной информацией и последними новостями из коридоров

власти. Новости эти порой являлись всего лишь слухами и сплетнями, но чета Богдановичей любого рода вести принимала, а некоторые, особо приглянувшиеся, потом передавала другим визитерам. Однако не только это определяло тягу к этому салону. Имело свое значение, так сказать, «качество приемов», или, по тогдашнему определению, дневных (полуденных) завтраков (ланчей). А оно отвечало самым придирчивым вкусам.

Один из усердных посетителей салона в последние годы его существования Л. А. Тихомиров (1852–1923) – бывший революционер-народник, ставший с годами рьяным монархистом, объяснил причины тяги к салону на Исаакиевской:

«Во-первых, Богдановичи жили в весьма центральном пункте... Заходить к ним было удобно. Во-вторых, у Богдановичей бывали на завтраках разные влиятельные его приятели из высших учреждений, иногда даже министры. Гости сами собой создавали интересный круг, который привлекал каждого из них. Можно было встретить нужного человека, разузнать кучу новостей во всех ведомствах. Сам Богданович, в высшей степени осведомленный, мог многое сказать, посоветовать и даже помочь рекомендацией».

Это была одна часть дела, не менее важную роль играла и другая.

«Завтраки его были очень хороши. Это был целый обед. Прежде всего, прекрасная, разнообразнейшая закуска, потом горячее, жаркое, рыба, десерт, после завтрака – кофе

в гостиной. За завтраком были всегда превосходные вина; некоторые Богданович выписывал прямо из Франции. Часто у него бывали и редкости, которые ему присылали приятели, например, какая-нибудь горная коза и тому подобная дичь».

Ясное дело, что при такой щедрости, обилии и изысканности требовалось иметь немалые средства. «Выписывать вина из Франции» могли позволить себе весьма состоятельные люди. Источник финансового благополучия четы Богдановичей не ясен. Хорошо известно, что в число владельцев богатых имений и в разряд промышленных или финансовых «акул» России генерал не входил. Вполне вероятно, что щедрые застолья оплачивались из тех средств Министерства внутренних дел, которые выделялись генералу на «патриотическое» воспитание. Объем этих сумм неизвестен, но надо думать, что он был весьма существенным, так как приёмы на Исаакиевской продолжались многие годы. Торговля «патриотизмом» приносила неплохие дивиденды...

Задолго до информационной революции генерал и генеральша прекрасно усвоили, что информация – мощное оружие в борьбе за собственное самоутверждение, способ играть заметную партию в обществе, на которую они другим путем никак претендовать не могли. В своем дневнике А. С. Суворин (1834–1912) занес впечатления от встречи с Е. В. Богдановичем во время коронации Николая II в мае 1896 года в Москве.

«Богданович с своей свояченицей здесь с картинами. Вот

комическое лицо. Я ему сказал сегодня по поводу раздачи его бесплатных книжек (он собирает за них деньги. При прошлом Царе ему выдали 10 000 за эти портреты, где в середине Божия Матерь, а по бокам Государь и Государыня, чтоб народ молился на Богородицу и уже, кстати, на Царя и Царицу), что он воображает, что Николай II коронован не один, а вместе с Богдановичем, и что как это странно, что пишут о коронации Государя и не пишут о коронации Богдановича... Вот некому изобразить этого удивительного плута и лицемера».

Несмотря за столь уничижительную оценку личности Богдановича, А. С. Суворин регулярно посещал салон на Исаакиевской. Хозяин влиятельной столичной газеты делал это исключительно для того, чтобы «быть в курсе» последних слухов, а при необходимости и самому «запустить в публику» нужную «новость»...

Евгений Васильевич и Александра Викторовна были не только супругами, но и полными единомышленниками. У них никогда не было каких-либо «идейных» разногласий. Они так за многие десятилетия супружества слились воедино, что и ушли с грешной земли почти синхронно: мадам Богданович умерла в декабре 1914 года, пережив супруга всего на три месяца...

Генерал служил приманкой для визитеров своего салона, а супруга «держала стол» и занимала гостей в случаях нездоровья хозяина дома. В последние годы хозяин до-

ма часто болел, почти полностью ослеп, иногда даже не выходил к гостям, а некоторые, особо доверенные или важные, допускались к нему в спальню. Там полумертвый генерал произносил свои гневные монологи, ругал, разоблачал и клеймил «многочисленных прохвостов», «проходимцев» и «негодяев», которые, как ему казалось, окружали трон. Правда, существовало одно незыблемое правило: в салоне никогда нельзя было критиковать действующего министра внутренних дел. Опасно было: вдруг в субсидии откажут...

Александра Викторовна конечно же была полностью согласна с мужем, а вечером заносила наиболее яркие впечатления от встреч и общений в свой дневник. В своем эмоциональном угаре хозяйка порой шла в своей ненависти дальше хозяина, призывая, например, гостей «убить Распутина». Генерал же такого остервенения не достиг. Он только написал незадолго до смерти письмо Николаю II, призывая изгнать Григория Распутина из Царского окружения.

Если поверить суждениям четы Богдановичей, то все три Самодержца, жизнь и деятельность которых протекала на их глазах, были один хуже другого. А каким же должен быть «настоящий» Русский Царь, Помазанник Божий? Ответа на этот вопрос нельзя найти в дневнике. Все плохое, и всё плохо – как рефрен звучит и звучит; это своего рода «мировоззренческое кредо».

Конечно, генеральше, как и ее обеспокоенному супругу, и в голову не приходило, что своим благополучием – особня-

ком, наполненном французской мебелью в центре столицы, штатом многочисленной прислуги, вояжами в Биарриц, Баден-Баден, Карлсбад, Париж, и конечно же богатыми застольями они обязаны не своим дарованиям или умениям, каковых не имелось, а именно той власти, которая постоянно подвергалась ими поношениям.

Этот распад монархического сознания и эрозию национального инстинкта замечательно и отразили записи Александры Викторовны. Дневник не столько описание событий и «политического закулисья» – здесь много умышленных и неумышленных искажений, извращений и просто лживых измышлений. Важна не событийная канва, а интерпретации, комментарии, выводы; здесь мадам Богданович невольно отразила то болезненное состояние, в котором находились «люди старого закала». По сути дела – это диагноз смертельной болезни русского монархизма периода заката Монархии.

Что же касается конкретных сведений, зафиксированных в дневнике А. В. Богданович, то многие из них, как уже упоминалось, – только слухи. Чего стоит, например, утверждение о том, что в инспирировании беспорядков в Петербурге принимал участие один из членов Императорской Фамилии (запись от 12 февраля 1879 года). Того же легендарного качества утверждения о том, что С. Ю. Витте – «тёмная личность», «аферист», «взяточник» (29 февраля 1892 года).

Или вот, скажем, запись 27 марта 1891 года: «Рассказы-

вают, что Великий князь Михаил Михайлович женился на дочери Нассауской, т. е. дочери Тани Дуббельт (Пушкиной). Женился, не просясь Государя, поэтому вычеркнут из списка русских офицеров». Здесь всё верно, кроме... кроме того, что у А. С. Пушкина не было дочери Татьяны, а была дочь Наталья (1836–1913), которая состояла в браке с сыном Начальника штаба Корпуса жандармов пушкинской поры М. Л. Дуббельтом (правильное написание – Дубельт). Ее дочь от второго брака с герцогом Нассауским, внука А. С. Пушкина, и стала женой внука Николая I.

Центральная часть записей А. В. Богданович – жизнь «правлящих сфер»; эта тема особо занимала хозяев особняка на Исаакиевской площади. С пристальным вниманием здесь ловили известия о перемещениях на высших ступенях чиновной лестницы, стремясь увидеть в таких вестях изменения государственного курса, пытались предугадать будущее. Трудно назвать сколько-нибудь заметную фигуру на «сановном Олимпе», оставшуюся вне поля зрения Александры Викторовны. Оценивались они исключительно в категориях «хороший-плохой», что соответствовало понятиям «наш-не наш». Так как автор вела свои записи более тридцати лет, то характеристики отдельных лиц менялись. Те, которым когда-то выставлялись лишь плохие «баллы», со временем начинали вызывать симпатии, и – наоборот.

Но существовали примеры и стойкого неприятия, на характере которого влияние времени не сказывалось. Так бы-

ло с К. П. Победоносцевым (1827–1907), занимавшим влиятельный пост обер-прокурора Святейшего синода четверть века (1880–1905). Один из блестящих русских юристов, профессор Московского университета, он являлся одной из ключевых фигур монархического истеблишмента при трёх Монархах. И всегда, невзирая на поветрие времени, занимал твердую консервативную позицию. Его никак нельзя было обвинить ни в беспринципности, ни в либеральных поползновениях.

Хотя в доме Богдановичей обер-прокурор никогда не был, но его стойкое неприятие не только радикализма, но и либерализма, объективно делало его «своим» для хозяев особняка на Исаакиевской. Но происходило совсем наоборот. Генеральская чета К. П. Победоносцева, мягко говоря, «терпеть не могла» и постоянно со сладострастием инсинуировала по его поводу. Ларчик, как говорится, просто открывался. Победоносцев не питал никакого расположения к генералу Богдановичу, и не только никогда не симпатизировал ему и его протеже, но наоборот. Считал всю шумную деятельность по изданию лубочных картин и дешевых книжонок пустой тратой времени и средств. Такого хозяева нарышкинского особняка никому не прощали...

Дневник А. В. Богданович порой представляет собой занятное чтение, точнее говоря, даже не чтение, а именно чтиво. «Тайны закулисья» – интриги, махинации, хищения, адюльтеры, эпатирующее поведение – всегда, во все времена

интересовали читающую публику. Однако надо всегда помнить, что взгляды любого современника на события окружающей действительности, их причины, восприятия людей – неизбежно субъективны, индивидуальны. Это касается как мемуаров, так и дневников. В этом смысле дневник А. В. Богданович не представляет исключения.

Ссылаться на мнение генеральши и подтверждать им любой общеисторический вывод – недостоверно и неправомочно. Монархия в России пала не потому, что были «плохие» министры, что кто-то сколько-то украл, а кто-то принял не то решение. Таких вещей в русской истории, да и не только в русской, было всегда предостаточно. Монархия пала не по этим причинам, а потому, что высшее общество, пресловутый «столичный бомонд», был насквозь пронизан и пропитан мелкими сиюминутными страстями и личными страстишками.

Здесь разучились видеть в Миропомазанном Царе – фокусе всей русской государственности – фигуру исключительную, сакрально осененную. Потому и воспринимали его лишь как обычного человека, наделённого, как представлялось в соответствии с модными западноевропейскими эгалитаристскими умонастроениями, безбрежной властной прерогативой. И всё. Отсюда и уничижительные сплетни, и дискредитирующие слухи, которые становились желанным занятием и смыслом времяпрепровождения в кругах чиновной и аристократической элиты.

«Монархисты по происхождению и должности» забыли незыблемый православный канон: «Царь – устройство Божие». Потому не молились за Царя, а посылали по его адресу чуть ли не проклятия. Здесь уже речь шла не о каком-то монархизме, а о преданности немеркнущим ценностям Православия, с которым эти господа расстались давно. Этот закат русского монархизма, предвещавшего крушение Монархии, так выразительно и зафиксировали дневниковые записи Александры Викторовны Богданович.

Боханов А. Н.

1879 год

11 февраля. Сегодня как громом меня поразило известие о покушении на жизнь Кропоткина. Рана, говорят, смертельная. Неужели опять начнется ряд убийств? Того гляди, что они снова взволнуют всю Россию. И как до сих пор не найти нити, откуда все это исходит? Опять убийца не пойман...

Мельников рассказывал: когда к Суворову приехал гр. Евдокимов, после того как получил Андреевскую звезду, Суворов его спросил: «Ожидали ли вы, когда были военным писцом, дожить до таких великих почестей?» На это Евдокимов отвечал: «Ожидал ли когда-нибудь знаменитый полководец Суворов, что у него будет такой внук, который известен своей глупостью и нетрезвым поведением?» Нельзя обоих похвалить, оба слишком резко выражались.

12 февраля. Много говорят, что в беспорядках принимает участие одно высокостоящее лицо. Москва называет Константина Николаевича, которому не добраться никогда до верховной власти, оттого, говорят, он и мутит... Еще ребенком он говорил, что он должен наследовать, что он – сын царя, а наш царь – сын наследника.

14 февраля. Опять масса необъяснимых фактов, порожденных прошлогодним оправданием Веры Засулич. Убийство Кропоткина (так же метко поражен, как Мезенцев), вос-

кресная история в Киеве, где стреляла толпа залпами в полицию и жандармов (до сих пор все еще сбивчивые сведения), – как говорят, осталось на улице 4 раненых, 1 убитый. Вчера по городу явились прокламации, извещающие, что социалисты «казнили» Кропоткина. До сих пор горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство – и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом. И что же, мы все удивляемся и недоумеваем, что нам делать. Утром объявлен арестанту приговор, что он будет судим военным судом, вечером – месть за арестанта Фомина, и Кропоткин сражен пулею. Точно так же было и с Мезенцевым. В день его убийства был исполнен приговор в Одессе над арестантом Ковальским, которого расстреляли, – они отомстили за Ковальского убийством шефа.

Петербург – чума. Объявил Боткин. Вот шарлатан! Он этим известием разоряет Россию, действует на руку Биконсфильду. Такие люди опасны. Теперь он – спаситель России, спаситель царствующего дома. Вследствие этого известия и мер, принятых для удаления больных, он является охранителем всего Петербурга. Что теперь скажут в Германии и Австрии? Теперь от нас совершенно запрутсся.

10 марта. Найдены две типографии социалистов – на Голодае и на Гутуевском острове. Замешано много людей, ежедневные аресты, замешаны артиллеристы, говорят – 11 человек, называют Зиновьева, Васильева. Вышла прокламация,

также номер их социалистического журнала, дурно напечатанный; они извиняются, что у них остался только дурной шрифт, хороший у них отняли. Все это напечатано. Вот дерзость! Главных никто никак не заберет.

11 марта. Читала сегодня все газеты. Суворин в своем фельетоне нападает на жидов, говорит о совместном путешествии старца Краевского с Поляковым, жидом, потом переходит к Цитовичу, который сделался так популярен своими брошюрами, волнующими умы молодежи. Он находит, что, несмотря на то что эти брошюры написаны с разрешения правительства, не мешало бы к ним написать следующий эпиграф: «Подцензурный период печати, чтение между строк и умение писать так, чтобы можно было читать между строк, внесли в общество сумятицу». Совершенно справедливо. Много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства.

Пример выдающегося факта из одесской практики. Отставной солдат наступил на улице на шлейф местной аристократки. Местный жрец Фемиды приговорил его к двухнедельному аресту, мотивируя свое решение «оскорблением действием известной части тела», очевидно, на сей раз принимая шлейф за известную часть тела.

Фельдмаршала Барятинского с почестями хоронили в его имении «Деревеньках» по Курско-Киевской дороге. Человек, любивший быть окруженным и иметь двор, умирает один в деревне. Некому было известить государя. Узнали

только на второй день.

13 марта. «Молва» нападает на И. С. Аксакова и говорит, чтобы он выбирал одно из двух: или славянская пропаганда, или управление банком; или правильность банковых операций, или благотворительность.

Опять новое покушение, но, слава богу, не удавшееся. Стреляли в Дрентельна, который не ранен. Пробило оба стекла в карете. Дрентельн гнался за убийцей, но тот успел скрыться. Удивляюсь ненаходчивости полиции: видеть человека, верхом скачущего, за ним карету, догоняющую ездока, и не преследовать! Дрентельн даже выскочил из кареты, сел на извозчика, но в ту же минуту увидел лошадь в руках городского; седок же успел взять извозчика и скрыться.

Во время предания земле в Москве тела убитого князя Кропоткина преосвященный Амвросий сказал слово, в котором развивал мысль, что во всех этих беспорядках виновато «передовое сословие». Говорят, что он этим хотел укорить дворянское сословие, что многие отстали от церкви, что теперь проповедуют свободу совести, свободу слова, что мало интересуются вопросами религии.

14 марта. Говорили много о покушении на жизнь Дрентельна. Многие говорят, что встречали на улицах много дурно одетых статских верхами, которые близко подъезжают к разным экипажам, вероятно, приучая лошадей.

Рассказывают, что три или четыре дня тому назад у Дрентельна обедали двое его приятелей. После обеда они пере-

шли в кабинет, где на столе увидели социалистический журнал «Земля и воля». Номер был не тщательно напечатан. Дрентельн сделал это замечание и нашел, что довольно литературно написано. На другой день он получил письмо, в котором социалисты его благодарят за то, что нашел, что хорошо написано, что само правительство виновато, что дурно напечатано, но обещают, что скоро это исправят. Вот люди!..

17 марта. Вчера обед очень удался. Говорили о Дрентельне, о покушении на его жизнь. Рассказывали, что в последнее время за ним все следил переодетый человек сыскной полиции. Уже раз тот или другой верховой преследовал его карету, вынул револьвер. Переодетый сыщик сделал то же, тогда незнакомец быстро скрылся. В день покушения полицейский не тотчас поехал за Дрентельном, который в этот день выехал из дому ранее обыкновенного. Все это было рассказано Зуровым, который должен хорошо знать.

2 апреля. Утром, в 9 часов, злодей стрелял в государя, но бог спас царя.

Собранные и рассказанные разными лицами подробности.

Маков, видевший государя через полчаса после покушения, рассказывал, что государь сам ему говорил, что, пройдя Певческий мост, с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернул-

ся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасности. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз – царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз – царь опять уклонился. В это время подоспел жандармский офицер Кох, который свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич. В это время выскочил из своей квартиры Павел Андреевич Шувалов. Государь сел в его коляску и подъехал ко дворцу. Маков видел его уже совершенно спокойным.

Салов приехал из дворца. Государь очень громко, очень спокойно говорил в Белой зале собравшимся дворянам. 10 минут «ура» не прекращалось, говорят, не запомнят такого восторга, многие плакали. Салову говорили, что государь узнал, что его спасло. Государь высокого роста; человек, который стрелял, тоже высокого роста. Слава богу, что этому не удалось убежать.

Е. В. встретил Николая Николаевича. Он положительно летел в коляске во дворец, адъютант на козлах. Потом обратно, влетел в Конногвардейские казармы объявить о страшном случае. Михаил Николаевич, узнав, без фуражки прибежал во дворец.

Змачинский говорил, что государь, убегая от злодея, потерял фуражку. Е. В. посоветовал этому офицеру не распускать таких слухов, особенно ему, фамилия которого оканчи-

вается на «ский».

Митрополит рассказывал, что царь пришел очень осторожно объявить об этом императрице, чтобы ее не напугали другие. Сказал, что господь в третий раз спас его от руки убийцы.

Бильбасов рассказывал, что он с женой был в толпе, ожидая появления государя на балконе. Он услышал слова: «Если патриот – кричи «ура», если социалист – то молчи». Слова эти были произнесены человеком, одетым мастеровым; народ, близ стоявший, спокойно их слышал и ничего с этим человеком не сделал.

Косаговский видел злодея, говорит, что противная рожа (его слова). Он принял яд, цианистый калий, который был у него в ногтях, но не отравился. Его стало рвать, потом ему дали antidоты. Одет был сверху прилично, а когда сняли чистую рубашку, под ней оказалась старая грязная ситцевая рубашка. Назвался он отставным чиновником Соколовым, служил, говорит, в Министерстве финансов, потом говорит, что у него много фамилий. Стрелял в государя, потому что не доволен, как он управляет...

Когда Косаговский подошел к злодею, тот, услышав его имя, открыл глаза и посмотрел на него. Косаговский говорил: верно, посмотрел на меня, чтоб заметить мое лицо, в случае, если ему придется убежать... Все время лежит без движения, отказывается есть, курить, глаза закрыты.

Бильбасов рассказывал, что за 5 дней до покушения гер-

манское тайное агентство прислало зашифрованные телеграммы на имя Адлерберга, а потом депеши к Дрентельну, спрашивая его, что они, т. е. русское правительство, намерены предпринять по получении этих телеграмм. Дрентельн будто бы отвечал, что он никаких депеш не получал и не знает, почему ему делают этот вопрос, что никаких депеш они не посылали. По вторичному утверждению в посылке ими депеш было приступлено к разведыванию, где находятся эти депеши. Они оказались на столе у Адлерберга, который никогда не берет на себя труда что-либо распечатать. Берлинский тайный комитет извещал, что социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом — царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно. И такая депеша лежит нераспечатанная на столе у ленивого министра!

3 апреля. Вчера Маков рассказывал, что три дня сряду около дворца бросали маленького формата листки с надписью: «Смерть злодею, смерть тирану!» Один такой листок был поднят самим государем.

Вечером рассказывали, что убийца был не один. Один, видя своего товарища схваченным, укрылся, и его не нашли. Другой вбежал в ворота Главного штаба, ворота оцепили, и до сей минуты он еще не найден. Говорят, был извозчик, который их ожидал. По рассказам одних: государь бежал, за ним убийца, и государь кричал: «Спасите меня!» Поравнявшись с комендантским подъездом, навстречу государю вы-

шел один из гренадеров дворцовой роты и повалил злодея. В народе говорят, что этот фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры. Имя преступника – Соловьев.

Говорят также, что задержана та карета, из которой был сделан выстрел в Измайловском полку в генерала; она стояла в ожидании этого Соловьева, который должен был с извозчика пересест в нее и спешить на Варшавский вокзал к 11-часовому поезду. Все было предусмотрено, чтобы в случае удачи они могли попасть на поезд. В карете находился какой-то человек, но скрывают кто и взят ли.

4 апреля. Сегодня все редакторы in corpore¹ были у Макова. Оттуда приехал Бильбасов, очень взволнованный, и рассказал, что там произошло. Маков обратился к редакторам с речью, в которой говорил, что за последнее время все газеты говорили много лишнего, особенно четыре газеты распространяли ложные, тенденциозные известия. Из них три: «Неделя», «Русская правда» и «Русский мир» уже закрыты, а что касается четвертой, «Голоса», – он обратился к председателю цензуры Григорьеву и сказал: «Прошу закрыть эту газету на 6 месяцев, дав ей 3-е предостережение за передовую статью, где разбираются слова “Rèpublique francaise”² и где об этом преступлении говорится: “...столь же мало оправданное, сколь и бесполезное”. Вообще эта газета давно уже имеет вредное направление и пагубно влияет на общество».

¹ В полном составе (лат.).

² Французская республика (франц.).

Бильбасов прервал его, сказав, что он, Маков, не прочитал статьи, о которой говорит, что депеша, о которой говорится в этой передовой статье, была напечатана в «Правит. вестнике» и пропущена цензурой. Бильбасов требовал сейчас же проверить. Маков ушел в кабинет, куда вскоре призвал Бильбасова и просил его извинения, говорил, что не понял так статью. Бильбасов сказал, что ему очень тяжело, что Маков, которого он уважает, заподозрил его в солидарности с темными подпольными людьми и т. д. Маков сказал, что поспешит взять назад свое распоряжение о закрытии «Голоса». Бильбасов ответил, что, будь он сам редактором, сегодня же он закрыл бы газету сам.

Говорят, в Ростове-на-Дону – бунт. Население освободило преступников из следственной тюрьмы, разнесло государственный банк. Казаки, посланные усмирить мятежников, отказались повиноваться и не пошли.

Государь сегодня проехал по Большой Морской в открытой коляске, казак на козлах и два верхом сзади. Тяжело это видеть.

Маркевич говорил, что Милютин после выстрела сказал Михаилу Николаевичу, что такие явления в духе времени.

Попов, адмирал, сказал Е. В., что он знает из достоверных источников, что преступник Соловьев очень проговаривается, что произведены многие аресты, очень серьезные.

6 апреля. Е. В. утром был у Посьета. Был Михневич. Условились втроем, что необходимо уничтожить самона-

деянную барановскую комиссию, которая совсем не имеет *raison d'être*³. Необходима комиссия при Министерстве путей сообщения и очень вредна вне его влияния, особенно находясь в руках такого фокусника, как Анненков.

Граф Ростовцев, разжалованный за антирусскую переписку с Герценом и теперь находящийся при вел. кн. Николае Константиновиче, который теперь в штатском платье, без права носить мундир, находится в Самаре, говорил сегодня об этом молодом человеке, что он положительно серьезен, любит учиться, большой семьянин.

Сегодня в «Правит. вестнике» напечатан указ Сенату. Петербург объявлен на военном положении, генерал Гурко назначен помощником к командующему войсками вел. кн. Николаю Николаевичу с правами генерал-губернатора. Усиlena власть московского и киевского генерал-губернаторов, и временно будут назначены генерал-губернаторы в Одессу и Харьков. Давно пора!

³ Смысла (*франц.*).

1880 год

3 января. Утром Е. В. получил интересное письмо от Баранова, в котором он, между прочим, пишет: «Выезжаю только по требованию начальства, стараясь нигде не показываться. Выехать в форме я уже не могу, а в штатском я еще не могу». Ужасное теперь его положение, но и Лосевского не лучше.

6 января. Из новых личностей Черевин не произвел на меня того впечатления, какого я от него ожидала: тихий на вид, умно смотрит. Хотя и говорят, что при дамах молчит, но у нас разговорился.

19 января. Напали наконец на типографию, где печаталась масса прокламаций. Напали совершенно случайно, бессознательно: искали одного подозрительного человека, а вместо того нашли целую шайку.

21 января. Был генерал Савельев. Рассказывал, как раскрыли социалистов в Саперном переулке. Полиция производила обыкновенный всedневный обыск, обыск, какие делаются каждую ночь в 40 или 30 квартирах неслужащих или учащейся молодежи, которая живет не в доме родных. Делая такой обыск, набрали на них, но они до сих пор не знают.

Разговоры о взятой типографии не прекращаются, у всякого есть своя подробность, ни с чем иногда несообразная. Всякий хочет знать больше другого. Одно только меня

страшно поражает, что можно 3 года жить в центре города, печатать целый журнал, приносить шрифты, выносить массу прокламаций, собирать сомнительную молодежь, жить в большой квартире двум женщинам и трем мужчинам без прислуги, все это на глазах дворников, полиции, почти с ее ведома. И за это получила эта полиция громадные награды, за то, что совсем случайно накрыла это социалистическое гнездо. Ночью разбудили государя оповестить об этом событии, разбудили в 5½ часов – какая дерзость! Это дело полиции знать и следить за жильцами, а она хвалится открытием этой шайки после 3½-летнего, как оказывается, существования на том же месте, в той же квартире, за которую платили 1500 руб.

22 января. Суворин много рассказывал интересного. Графиню Гендрикову выслали из Петербурга по высочайшему повелению в 24 часа. Ее уже давно недолюбливает государь; прежде за ней ухаживал, потом бросил, – она ему стала надоедать. В Ливадию в этом году ее не пустили. Она всюду старалась пролезть. Написала письмо, говорят, дерзкое, государю, ездила просить генерал-губернатора отправить в казенном пакете ее частное письмо, так как от нее на почту не принимали, – не успела никого склонить. Наконец в Петербурге на ее просьбу согласился Дрентельн, который ничего не знал, что письмо это будет неприятно. Потом эта барыня громко везде ругала государя, что он – *un vieux ramolli*⁴ и

⁴ Старый маразматик (франц.).

проч. Когда после смотра кирасиров послана была депеша шефу, что полк в блистательном порядке, — эта депеша тоже подверглась критике. Вот почему и попросили уехать подобру-поздорову.

28 января. Гейне читал сегодня свою записку. Очень дельно и хорошо написано. Он рисует картину современного состояния России в очень мрачных красках. Меры, которые он предлагает, чтобы избавиться от людей беспорядка, — очень дельные, но вряд ли их применят. У нас всегда хорошее остается без внимания.

29 января. Граф Игнатьев с первого разу не может произвести хорошего впечатления. Он некрасивее всего того, что можно себе вообразить. Большое широкое лицо, довольно длинно обстриженные волосы, небольшой рост, неприятное выражение глаз, все черты несимпатичные — вот портрет человека, о котором так долго говорила вся Европа во время войны 1877–1878 годов. Когда он говорит, любит, чтобы его больше слушали. Говорит хорошо. Его записка о Нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России. Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает: 1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения и, главное, устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод; 2) снять налог на соль,

а чтобы возместить казне эти 12 млн, наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары; 3) устроить больше реальных школ; 4) переменить губернские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицмейстеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить. Временных же генерал-губернаторов совершенно уничтожить, как вредное и никуда не годное, дорого стоящее правительству учреждение. Эту записку, верно, не одобрит Игнатьев, так как сам был генерал-губернатором и им до сих пор состоит.

31 января. Про митрополита киевского Арсения рассказывают, что он очень любил скоромные анекдоты. Раз, когда он такой рассказал при императрице, Дондуков ему заметил, обращаясь к царице: «Son èminence aime les diners lourds el les conversations lègeres»⁵.

В 7-м часу к подвальному этаже дворца, под тем помещением, где находится караул, произведен взрыв, лопнула газовая труба, но вряд ли лопнула без посторонней помощи. Удар был так силен, что свод взорван, перебиты стекла, и, как оказывается, еще убито в карауле, где находился Финляндский полк, 5 человек солдат. 12 тяжело ранено и около 25 человек получили ожоги. В ту минуту, когда происходил взрыв, государь вышел из своего кабинета в тронную залу встречать принца Александра Гессенского, приехавшего во

⁵ Его преосвященство любит тяжелую пищу и легкие разговоры (*франц.*).

дворец обедать. Огонь показался из душников в комнате, где находился государь, запах пороху был весьма силен, и мгновенно освещение в комнате потухло. Взрыв был так силен, что было слышно на площади. В Главном штабе не могли понять, отчего в пушки стали стрелять.

Принц Гессенский приехал вчера же из-за границы в 6 часов вечера, и по этому случаю обед был отложен до 6½ часов. Злоумышленники не рассчитали, не знали, что обед отложен на полчаса. Когда в столовой произошел взрыв, там никого не было. Говорят, последствия взрыва ужасны. Вся столовая, а по рассказам других – часть столовой, пострадала. Они измерили время, чтобы взорвать тогда, когда все будут сидеть за столом, но не рассчитали, что поезд Гессенского может опоздать и что обед могут отложить, что и случилось. Взрыв был сделан под тем помещением, где находится караул. Внизу помещались столяры, и, говорят, к ним-то и был внесен ящик с динамитом. Было их 10 человек: 8 взяты, а двух никак не разыщут. Тотлебену поручено разрывать убитых и раненых. Теперь уже оказывается, что 10 убитых и 48 раненых, всех же солдат бывает иногда в караульной до 200 человек, так как туда приходят отдыхать те, которые сменяются со своих постов внутри дворца.

1 февраля. Были у Фере. Она нам рассказывала подробности насчет взятой типографии. Эти люди жили всего 4 месяца – и того довольно – под фамилией Лысенко. Теперь они уже вышли из моды; найдется третья, и вторую забудут, ко-

торая печатала «Черный передел», так звали, кажется, этот журнал.

5 февраля. Были у митрополита Исидора. Приехав домой, узнали о новом злодействе нигилистов: произвели взрыв в Зимнем дворце. Сегодня всех редакторов в 3 часа собрал Маков, и они все им остались очень довольны. Какой ужас! Что было бы, если бы они сумели взорвать часть дворца. Они метили на ту часть, где находится кабинет государя.

6 февраля. Был большой выход во дворец. Государь, очень расстроенный, но на вид спокойный, сказал несколько слов, которые не мог кончить без слез, сказал, что надеется, что народ ему поможет сокрушить крамолу, что господь его спас еще раз, что надеется на всех, что необходимо искоренить зло. Город украшен флагами.

7 февраля. Утром масса народу. Каждый рассказывает и ужасается, что именно во дворце злоумышленники избрали место для своих злодейств. Правда, верится с трудом. Нет еще никаких правительственных оповещений. Кутайсов кричит, что надо выгнать Макова, ему он всех противнее. Но надо отдать справедливость: лучше ли при Макове, чем было при Тимашеве? Тогда он работал за Тимашева, а Перфильев-то за него не работает, да и работать не умеет.

Был Бобриков. Рассказывал подробности похорон убитых финляндцев. На одном катафалке стояло 10 гробов. Первый гроб вынесли генерал-адъютанты, остальные – офицеры полка и гвардейского корпуса. Государь вчера был на панихиде.

Шеф полка, вел. кн. Константин, был во все время отпевания и погребения.

8 февраля. У Гейнса была страшная сцена с Тоглебенем по поводу записки, которую Гейнс передал цесаревичу. Тотлебен ему сказал, что он смущает и путает неопытного молодого человека. Лорису Тотлебен очень ругал Гейнса, назвав его жидом и т. д., но Лорис, кажется, не разделяет мнения своего коллеги.

9 февраля. Был Зейфорт. Ему сегодня митрополит сделал выговор, что дворяне себя мало показывают во время торжественных молебнов в Исаакиевском соборе – они присутствуют, но не в мундирах, а в партикулярных платьях.

11 февраля. Суворин рассказывал про впечатление о взрыве в Зимнем дворце. Клейст, Мейер, Кушелев, Курис – один сменял другого.

Рассказы про то, каким образом государь сказал, что обманулся в друзьях. Трудно верить: говорят, Гейнс сказал эти слова про государя у Пратасовой. Трудно верится, что так мало охраняют царя. Теперь у него собираются ежедневно Комитеты, но к чему все это поведет, когда у государя такие советчики, которые боятся только одного – потерять портфель министра?

Говорят, что Лорису предстоит занять здесь важный административный пост. Сегодня его сделали членом Гос. совета. Побольше бы таких деятельных людей – и дело пойдет лучше.

Вчера сгорела Петровская земледельческая академия близ Москвы.

До чего доходит неблагодарность и несправедливость! В истории взрыва во дворце всего более виноват Адлерберг, малое дитя это поймет. Оказывается же на деле, что не он, а Гурко, хотя Гурко просил осмотреть дворцовые подвалы, но ему в этом было отказано. Теперь же, когда собрался совет у государя под его председательством, Гурко не был допущен в залу заседания, а ожидал в другой комнате.

Теперь, кажется, начинает подниматься звезда Лориса. Дай ему бог все это привести в порядок. Гурко с самого начала говорил, что он ничего не смыслит в администрации, притом у него страшный дурак правитель канцелярии. Не то можно сказать про Скальковского – он очень дельный и работающий.

Многие опасаются страшных бедствий 19-го. Рождественский говорил, что под малою церковью Зимнего дворца найдено несколько пудов динамита. Неужели французское правительство не выдаст нашему знаменитого Гартмана? Странно будет, если такого человека – и не возьмут. Говорят, что нет у нас с ними конвенции на выдачу преступников, но это событие *hors ligne*⁶ – подкоп под полотно железной дороги; теперь уже признано, что он этим занимался.

12 февраля. По словам Львовского, теперь в соборе ежедневно осматривают подвалы – не ровён час, может, и туда

⁶ Из ряда вон выходящее (*франц.*).

подсыплют динамита, благо, что его так легко теперь делают.

Слышала, что по поводу доклада начальника берлинской полиции Мадея император Вильгельм выразил удивление, что не было обращено внимания на предостережения и сведения, доставленные еще в декабре месяце Мадаем в Петербург о проектируемых нигилистами покушениях. Вторично покушению предшествовали предостережения из Берлина, и опять ничего не было сделано, чтобы предотвратить это ужасное событие.

Сегодня Каульбарс нам рассказывал, что пойманный рабочий проговорился, что они дежурили по часам с другим товарищем, который спал. Первый рабочий, оставшийся на часах, не разбудил вовремя товарища, остался часом позднее. На вопрос, почему он так сделал, отвечал, что слышал, что готовится взрыв, и желал узнать, в чем дело. Очень нелепый ответ.

13 февраля. Трудно записывать все те глупости, которые слышишь. Один рассказывает, что будет испорчена машина водопроводная в Петербурге – останемся без воды, другой, что были получены печатные листки в казармах Преображенских, Конногвардейских и 8-м флотском экипаже, что они будут взорваны; говорят, найдена мина у дома Плаутина, что вторично во дворце было какое-то несчастье, что продолжают находить динамит, что Зуров, проходя во дворец, узнал в одном из разодетых лакеев выгнанного им за пьянство и буйство городского, что какая-то судьба всегда удаля-

ет из Петербурга Константина Николаевича, когда что-либо такое случается, что вторично неосторожная лампа падает и сжигает на столе бумаги.

Город наполнен нелепыми слухами, все чего-то боятся, многие выезжают или собираются уехать, аресты продолжают, также продолжают и загадочные убийства.

Два дня тому назад убили дворника, который донес о существовании типографии на Васильевском острове. Пришли мужчина и женщина нанимать квартиру; он показал, и тут-то произошла экзекуция. Мужчина и его спутница скрылись.

Теперь назначен главным после царя, можно сказать, Лорис, ему даны большие полномочия. Справится ли он с этой работой?

14 февраля. Гартмана привезли. Теперь, надеюсь, он уже не уйдет из рук правительства. Помогли открыть, кто он такой, часы. Дело было так: пришел молодой человек покупать один минный прибор. За него запросили в Париже 800 руб. У него не было достаточно денег, и он за прибор заплатил часами, прибавив немного денег. Когда стали искать, у кого были куплены эти дорогие часы, оказалось, что в Петербурге одна знатная дама подарила эти часы одному известному Гартману, а тот уже передал их своему племяннику. Таким образом узнали о фамилии Гартмана, которого давно искали.

Сегодня напечатано воззвание к жителям столицы, где

Лорис обращается ко всем обывателям и возлагает на них надежду, что они помогут ему сокрушить зло, что он, со своей стороны, употребит все силы, все свое умение, чтобы вернуть порядок в России, возвратить ей прежнее благосостояние. Теперь Лорису даны права премьер-министра, ему подчинены все генерал-губернаторы, все ведомства, не исключая и военного. У него болезненный вид, дай бог, чтобы он был здоров. По мне, он очень милый; когда его ближе знаешь, подпадаешь решительно под то обаяние, которое невольно он внушает всем тем, которые его окружают. «Голос» в передовой приветствует его назначение и приводит девиз графа Лориса: «Сила не в силе, сила в любви».

16 февраля. Был Батьянов, которого вытребовал Лорис состоять в его распоряжении. Батьянов очень, кажется, умный. Можно только поздравить Лориса, если он себя такими окружит. Кроме него еще назначены состоять при Лорисе Черевин и кн. Вяземский.

Был также Кутайсов, просился тоже у Лориса к нему, но тот ему отвечал, что государь ему назначает, – понимай, как знаешь. Батьянов говорил, что теперь, кроме мер предохранительных, до 20-го они не будут других предпринимать, чтобы эти числа прошли покойно. 19-го в 10 часов утра будет выход государя к войскам, собранным возле дворца принести поздравления его величеству. Этого не будет объявлено в газетах.

В субботу, когда государь назначил Лориса председателем

верховной комиссии, он был дежурным. Когда собрались министры в экстренный совет к государю, он его тоже позвал, посадил рядом с собой и объявил всем свою волю. Лорис был очень удивлен и взволнован этой неожиданностью и тою ответственностью, какая на него возлагалась высочайшей волею, но преклонился перед нею.

17 февраля. Была у митрополита. Он рассказывал, что получил письмо от одной дамы с фразой, что ему достанется, что ему не избавиться казни.

Нам рассказывали, что Толстой получил письмо, где ему советуют опомниться, просить наставлений архипастырских у трех митрополитов, которых, в свою очередь, просят его увещевать бросить свои классические бредни.

18 февраля. Редко случаются такие дни, как завтра, редко их переживают народы. Как пройдет завтрашний день? Все меры старались принять, но враг силен на выдумки. 300 студентов остались без крова, убыток – 500 тыс. Говорят, – поджог, и подожгли в то время, когда производился обыск у студентов. Угрожают 19-го взорвать весь Петербург.

Про Дельсаль рассказывают, что он во время взрыва находился с Гротом и Голицыным на Салтыковском подъезде, ожидая прибытия принца Гессенского, который в прошлый раз подъехал с этого подъезда. Но 5-го принц подъехал к другому подъезду. Грот и Голицын поспешили туда, но так как Дельсаль болел ногою и не мог скоро подняться на лестницу, то сел в подъемную машину, которую поднимали в минуту

катастрофы и не подняли, а оставили между небом и землей на воздухе, где он оставался четверть часа забытый, так как служители, которые его поднимали, — одного контузило, другой с испугу убежал. Вот наказание, которое он вполне заслужил.

Такое движение в городе, точно канун святого светлого праздника. Сегодня у Исаакия была панихида по царю Николаю. Масса военных собралась к этому времени в соборе. Е. В. встретил там Лориса. Он был очень озабочен.

19 февраля. Вчера в час ночи через Зурова Е. В. была прислана от Лориса депеша полтавского губернатора, извещающая, что завтра во время обедни будет взорван Исаакиевский собор. Е. В., взяв сторожей, ходил по всем катакомбам собора, причем сторожа лазали в печи, все осмотрели.

Сегодня на выходе государь не сказал никакого слова, молча приветливо кланялся.

20 февраля. Сегодня в третьем часу дня Лорис возвращался домой, когда дурно одетый человек, на вид лет 30, поджидавший его на углу Почтамтской и Б. Морской, выскочив из своей засады, выстрелил в него в упор в правый бок. Шинель спасла графа, пуля скользнула по шинели, разорвав ее в трех местах, а также и мундир. Но, слава богу, Лорис остался невредим. Преступника тотчас схватили. Оказался еврей перекрещенный, но находящийся под надзором полиции. Лорис, когда почувствовал дуло пистолета, размахнулся на убийцу, что, верно, и спасло его. Граф сказал: «Меня пу-

ля не берет, а этот паршивец думал убить меня». После покушения у Лориса собрались цесаревич, вся семья царская, министры, послы, много обывателей. Батьянов говорил, что вид преступника мерзкий, гадкий, так и хотелось его поколотить. Его повесят послезавтра. Преступник сказал, что если ему сегодня не удалось, то, может, наверное, удастся другому. Какая ужасная у них лига!

Губонин, вспоминая восшествие на престол государя, рассказал, что 25 лет назад, когда ударили в колокол у Василия Великого в Москве к присяге государю Александру II, колокол оборвался и с шумом упал, а был только что починен и повешен к коронации. Станный случай.

21 февраля. Лорис уже одну разумную меру издал, чтобы полиция не отдавала честь никому, кроме государя, цесаревича и главнокомандующего, иначе они занимались больше – не пропустить генерала, чем порядком на улице. Завтра повесят этого преступника на Семеновском плацу. Зовут его Млодецкий.

22 февраля. Сегодня повешен Млодецкий. Как и следовало ожидать, все время вел себя бойко, смело. Жаль, что священник его провожал, хотя перед повешением он поцеловал крест. Он говорил: «Если не мне удалось убить Лориса, то другому, третьему, а наверное удастся. Мы это решили, так как система Лориса – самая вредная именно для нас». Это он сказал на вопрос Батьянова: отчего, не дождавшись распоряжений Лориса и зная его мягкую систему, он взду-

мал стрелять в него.

Сегодня этого злодея, имя его Ипполит Млодецкий, казнили. Вчера привезли из Москвы палача, который и надел на него петлю. Много приходило народу рассказывать впечатления во время казни. Преступник себя держал очень нахально, смеялся на все стороны, особенно недружелюбно глядел на военных, смело шел на смерть; эта смелость у них — *un parti pris*⁷, хотят этим выказать свою правоту. Батьянов, который его допрашивал, рассказывал, что он, хотя и имел вид животного, далеко не глупый человек, фанатик до мозга костей, что он произвел на него вид, что, если будут его и пытаться, он ничего не скажет. Батьянов пришел к тому убеждению, что они дают эти поручения лицам, выдержавшим особого рода испытания, готовым на все. Дерзость его во время суда заставила его вывести из залы, и его ввели только тогда, когда пришло время прочесть приговор. Дюфферин (английский посол), поздравляя Лориса со счастливым исходом, прибавил, что это первая пуля, которая прошла сзади графа, все другие он встречал грудью вперед.

Прочла в «*Journal des Débats*» письмо из Петербурга, где говорят, что был сделан обыск по приказанию III отделения у некоего Пигальского, что найдено письмо, где говорится, что он может действовать, что Шебаша (вымышленное имя) видел царя, что царь покоен и что дело можно начинать. Редакция от себя прибавляет, что из этого видно, что к ниги-

⁷ Упрямство (франц.).

листам причастны лица высокопоставленные, которые видят царя, а может быть, даже и его родственники. Все это не в бровь, а прямо в глаз бедному Константину. Но я положительно отрицаю, чтобы он был в этой шайке – он слишком умен и слишком дорожит своим положением. С таким бра- том ему ли не хорошо живется? А ожидать того, что о нем говорят, будто он добивается, – он понимает, что это может только сумасшедший человек.

23 февраля. Говорят, взяли в толпе, которая смотрела на казнь, до 7 человек, громко порицавших действия правительства и высказывавших свое сочувствие к преступнику. Есть же такие люди! Нелегко будет Лорису справиться со всем этим злом – глубокие корни им уже пущены.

24 февраля. Сегодня завтракали Морголи, Гагарин, Бобриков, Вышнеградский, Бруннер и много других. Бобриков рассказывал подробности насчет преступника. Когда его повели в суд, он шутил и резко отвечал, но, вернувшись обратно в крепость и зная уже, что он приговорен к смерти, он имел вид смущенный. Когда его спросили, хочет ли он есть, он попросил и два раза ел два сытных обеда с большим аппетитом. Обед состоял из щей (1 фунт мяса), телячьей котлеты и блинов без варенья.

Бруннер, командующий войсками Казанского округа, развивал свою мысль, как уничтожить нигилистов: объявить Петербург на военном положении, потом сделать общий обыск офицерам во всем Петербурге, а затем сделать ответ-

ственными за жильцов всех домохозяев, если найдется в доме типография и подозрительная личность – конфисковать дом в казну.

27 февраля. Пришел Батьянов. Много рассказывал про свою беседу с убийцей. Когда он поехал к нему в крепость, то тот, видя, что Батьянов очень удобно поместился против него и о многом стал спрашивать, полюбопытствовал узнать, не будет ли он мешать ему спать. На это Батьянов отвечал, что он будет спать, сколько пожелает. Он рассказывал, что в народе у них уже ходит до 35 тыс., что он – один из маленьких, что если б им удалось достичь своей мечты, то его положение было бы не выше школьного учителя, что он шел убить, что был бы счастлив, если б ему удалось убежать, но если б убежал, то вторично постарался бы метче стрелять, что у них есть знаки, по которым они друг друга узнают.

Сегодня Дрентельн оставил пост начальника III отделения. Вместо него Черевин, с подчинением Лорису. Батьянова Лорис, кажется, очень любит. Когда ложится спать, призывает его к себе, долго с ним говорит и не отпускает от себя.

28 февраля. Сегодня Иславин рассказывал, что опять вышел номер «Народной воли». Вот люди неугомонные! Неужели у них есть еще типографии? Как они умеют действовать! Их девиз: «l'union fait la force»⁸. Никогда своего не выдадут. Ляжет костыми, умрет – ничего не скажет.

5 марта. Завтракал Коростовец. Много говорил насчет

⁸ В единстве сила (франц.).

полиции, находит, что еще мало сделано Верховной комиссией! Теперь затишье полное, как будто успокоились все – и общество, и нигилисты. Но надолго ли? Говорят о назначении в Верховную комиссию, кроме Ковалевского, Батьянова, Черевина, еще Имеретинского, Победоносцева, Маркова, Шамшина, Перфильева; Каханов уже давно назначен. Неужели Перфильев может дать добрый совет? Вчера было первое заседание комиссии. Как водится, прошло, ничего не выяснив, так как пришлось каждому приглядеться к своему соседу.

14 марта. Пришел Косаговский. Сегодня приехал. Объехал три города, где находятся тюрьмы с политическими преступниками. Много рассказывал достойного внимания. Например, в Москве было им конфисковано письмо, уже с печатью прокурора, значит, законом дозволенное, где была прямо написана и проведена антиправительственная агитация. Фамилия прокурора очень неразборчиво написана, начинается на «К» (оказалось, по справкам, что в Москве 4 прокурора и фамилии всех начинаются на «К»).

Был Батьянов. Он ездил по тюрьмам узнавать, где находятся разные подозрительные люди. Е. В. ему говорил про свое свидание с Лорисом. Когда он увидел Лориса в его большом кабинете, с большими очками, через которые смотрели большие глаза, в темной комнате в отделении – Скальковский, потом рядом дежурные, – все это имело вид военного штаба.

15 марта. Был Имеретинский. Говорил, что при назначении Лориса во главе комиссии общественное мнение разделилось на две партии: высшее общество видело в этом назначении только полицейскую должность, народ и печать увидели в нем неограниченного правителя, пользующегося правом диктатора, и это повредило Лорису, – теперь он не в состоянии будет всего того сделать, что от него ожидают одни и другие. В настоящем же его положении без особенных экстренных полномочий он ничего не может сделать.

Писала под диктовку Е. В. воззвание Верховной комиссии, где она оповещает, что все раскаявшиеся нигилисты, если придут, отдадутся в руки правительства – оно их укроет от прежних товарищей. Мысль добрая, но вряд ли принесет добрый плод.

Был у Е. В. спирит Ридигер, предлагает спиритизмом избавить Россию от нигилистов. Тоже мечта!

25 марта. Утром пришел Батьянов. Вчера у них была комиссия. Много толковали о поднадзорных. Кажется, изменят эту меру, находят ее неудобоприменимой: теперь во всей России находится 400 тыс. человек под надзором полиции.

Зуров поднес список лиц – 136 человек, находя, что они должны быть высланы из Петербурга. Когда разобрали степень их виновности, он первый согласился с тем, что 60 человек из 136 можно оставить на прежнем месте жительства.

29 марта. Е. В. предложил Лорису меру: посылать избранных священников беседовать в тюрьмах с преступника-

ми. Эта мера очень Лорису понравилась и, кажется, будет приведена в исполнение.

6 апреля. Вчера напечатано в газетах очень гуманное распоряжение Лориса: людей, находящихся под надзором полиции в течение нескольких лет и показавших свою благонадежность, избавить от этого надзора. Это подымет нравственный дух этих лиц.

15 апреля. Вернувшийся из Лондона барон Клейст рассказывает, что на него смотрели, как на чудо, что он приехал из Петербурга, из такого города, откуда никто целым не может приехать.

20 апреля. Сегодня *la question du jour*⁹ – это Толстой. Все рады, что он уже не министр. У всех на языке: слава богу, его уже нет. Вот человек, сумел себя заставить ненавидеть всех без исключения, или с очень небольшими исключениями.

3 мая. Был Бильбасов. Встретился с Батьяновым, который тотчас же начал с ним свой обычный спор, сколько времени может еще продержаться теперешнее положение дел и как сделать, чтобы министры были ответственны перед государем, и если это будет, то хорошо ли будет. Бильбасов сказал, что думает, что теперешнее положение скоро переменится, если будут приняты меры, что все это долго не продержится.

Тотлебен назначен в Вильну, а Альбединский в Варшаву. Дрентельн в Одессу. Говорят, Тотлебену хотелось в Варшаву, и государь, давая ему Вильну, утешал его тем, что у него

⁹ Главный вопрос (*франц.*).

в этом крае имение.

7 мая. С утра уже Е. В. отправился в суд Веймара. Говорил, что его возмущают женщины – очень себя держат нахально. Косаговский приехал из суда. На него, напротив, так как он уже присутствовал на политическом суде не первый раз, все подсудимые произвели хорошее впечатление: они поражают своею скромностью. По его мнению, это второй скромный суд – Мирского и этот. До этих подсудимые вели себя очень несдержанно: скакали на столы, бог знает что кричали, ругались и проч. ... Был Суворин. Очень ему хочется проникнуть в залу суда. Удивляюсь, отчего его не допускают, он, право, благонадежный.

9 мая. Е. В. все утро пробыл на суде Веймара. Он создает впечатление человека, которого трудно обвинить; все свидетели относятся к нему с большим почтением и похвалой. О суде Е. В. такого мнения: тяжело видеть эту игру в суде. Все сидят люди неумелые. Никого из них нельзя назвать людьми недобромыслящими, но они в первый раз призваны исполнить эту обязанность.

13 мая. Ни Веймар, ни Коленкина не оправдали ожиданий публики. Первый сказал несколько бесцветных слов, вторая ничего не захотела говорить.

14 мая. Е. В. вернулся в половине пятого. Все судьи совещались и через 13 часов вынесли такой приговор: Веймара на 15 лет на каторгу, Михайлова и Сабурова повесить. Е. В. рассказывал, что подсудимые спокойнее выслушали свой

приговор, чем публика, которая за них страдала от 7 часов до 4½. Ни один не дрогнул, ни один не побледнел. Теперь все пошло на утверждение Верховной комиссии.

15 мая. Адельсон рассказывал, что вчера, когда был прочитан в 9 час. вечера окончательный приговор подсудимым, Коленкина бросилась обнимать Михайлова, приговоренного к повешению, а Михайлов бросил презрительный взгляд на Сабурова, но все сохранили полное спокойствие и спокойно выслушали приговор суда.

19 мая. Был Каханов. Много говорили о Лорисе. Каханов говорил, что его наследник очень любит, часто зовет просто обедать собственноручной запиской. Вот человек! Сумел-таки себя поставить. Очень он хитер и ловок. Не знаю, будет ли он полезен России.

28 июня. Читала «Illustration». Удивительно, что позволяет и пропускает цензура. В июньском номере «Causerie» напечатано, что после траура государь намерен жениться на княжне Долгорукой, с которой уже давно позабыл les grandeurs de la royauté¹⁰. Неужели можно допустить это писать, когда еще так недавно умерла императрица?

4 июля. Бунге, профессор Киевского университета, назначен товарищем министра финансов. Это, по-моему, хорошее назначение.

27 июля. Опять, слава богу, напали на след нигилистов — несколько человек схвачены. Я вполне уверена, что эти лю-

¹⁰ Величие царской власти (франц.).

ди бездействуют только наружно, но что тайно времени не теряют.

9 августа. Лорис-Меликов назначен министром внутренних дел. Каханов – ему в товарищи.

11 августа. Все газеты полны похвалой назначению Лориса.

14 августа. Все газеты полны восторгов о назначении нового министра и называют 6 августа, день этого назначения, счастливым днем.

19 августа. Все перемены. Наследник будет вместо Николая Николаевича, пойдут переменять весь гвардейский корпус.

21 августа. Был Батьянов. Много рассказывал. Говорит, что государь повенчался с Долгорукой. Называют свидетелями Лориса и Милютина; Адлерберг, говорят, отказался присутствовать. Обедал Вышвеградский. Разбирая деятельность Лориса, он сказал, что он за две вещи отдаст отчет богу: что позволил разбирать газетам школьный вопрос, который запугал молодежь, так что экзамены были плохи, и ругать III отделение, которое существовало 20 лет и считалось必要ю. Это отняло веру во все. Кто поручится, что и все остальное никуда не годится?

1 сентября. Баранов назначен ковенским губернатором – человек, бывший под судом, – что это значит?

20 октября. Кушелев из комитета принес известие, что по случаю голода сегодня ночью разбили и разграбили запас-

ной склад хлеба около Смольного. К чему еще должны мы готовиться? Голодный человек на все способен.

21 октября. Вечером был Кушелев. Рассказывал одну подробность о свадьбе государя. Он женился в штатском платье, говоря: «C'est un particulier, mais pas l'empereur, qui rèpare une faute commise el rèpare la rèputation d'une jeune fille»¹¹. Монтеверде рассказывал из верного источника, что Германия очень недовольна этой свадьбой.

28 октября. Опять наступает время возвращения царя в Петербург. Нехорошо повлияет на массу его женитьба, нужно было дожидаться хотя году. Опять суд, опять настроены умы слушать эти ужасные истории. Вот люди, у которых организация замечательная. Они всюду действуют и действуют так тайно, что нельзя их заподозрить.

30 октября. Интересно очень показание Гольденберга (жида, который убил Кропоткина в Харькове). Его схватили, он раскрыл всю тайну, потом повесился. Сегодня будет окончен суд. В этом году, говорят, он мало привлек публики, говорят, зала пустая. Это – отрадное явление. Прежде не было места, все ломились попасть в залу.

1 ноября. Странное наступает время. Франция близка к коммуне, тяжело читать про все эти буйства и бесчинства. У нас пока, можно сказать, лучше, спокойнее, чем у них. Амнистия коммунаров к добру не поведет. Феликс Пиа говорит

¹¹ Частное лицо, а не император исправляет совершенную ошибку и спасает репутацию девушки (*франц.*).

возбуждающие речи, ею была первая мысль поднести пистолет Березовскому. Теперь он пишет воззвания, вроде следующего: «Долой церковь, долой разврат публичный, который нам является в виде семьи, жены, детей и бога!». Страшно это писать, а еще такую фразу: «Pour démocratiser la terre il faut detroniser le ciel»¹².

2 ноября. Был Бобриков. Много говорил о последнем суде. Пятерых приговорили к смертной казни, их 4-го будут вешать в 7 часов утра. Это еще большой секрет.

Будут помилованы трое – все те, которые покушались на жизнь государя, а двое, именно – Квятковский, который взорвал финляндцев в Зимнем дворце, и Пресняков, убивший швейцара на Васильевском острове, будут повешены. Государь это мудро придумал.

4 ноября. Был Адельсон (комендант), приехал с места казни, рассказывал впечатление, произведенное преступниками, которых повесили. Оба причастились, оба обнялись сперва со священником, потом, имея уже завязанными руки, поцеловались друг с другом, поклонились войскам. Когда повешен был Квятковский, Пресняков посмотрел сбоку на эту картину и прослезился. Через минуту его ожидала та же участь. Ужасное впечатление!

5 ноября. Вся печать высказывается очень сочувственно, что государь помиловал трех, тех, которые покушались

¹² Чтобы установить демократию на земле, нужно свергнуть с престола того, кто на небесах (*франц.*).

на его жизнь. Нельзя без ужаса слышать все подробности вчерашней казни. Я смотрю очень несочувственно, с отвращением на нигилистов, но такое наказание страшно. Говорят, что палач Фролов все это делает с бессердечием и даже неловко.

9 ноября. Князь Гагарин много рассказывал про Ливадию. Государь всюду ездит со своей княжной, которую представил Милютину как свою жену. Цесаревна, бывши в гостях у Воронцовой, ей жаловалась на свое неловкое положение и с таким жаром ей все рассказывала, что та ей сказала: «Вы так откровенно и так горячо высказываете ваше неудовольствие, что это дает мне право думать, что вы не делаете из этого секрета». «Да, – отвечала цесаревна, – можете кому хотите об этом рассказывать».

27 ноября. Вчера был день георгиевского праздника. Вчера во время обеда государь, провозглашая тост за самого старейшего георгиевского кавалера, германского императора, вместо обычного тоста, кончавшегося «и моего лучшего друга», только сказал первую половину тоста, а именно «старейшего кавалера». Не может ли это повлиять на все дела?

2 декабря. Обедал Маркевич. Много рассказывал про свое путешествие, к каким способам прибегают нигилисты, чтобы доставать деньги у русского посольства. Вот ловкие люди! Они устраивают через своих фальшивый донос на себя же, что вот такой-то узнал, что замышляется такое-то преступление, и за то, что такой-то предупредил, ему выдается

награда.

10 декабря. Большой разговор о романе Маркевича «Перелом». Он там описывает семью Анненковых под именем Саватьевых, и они имели глупость себя узнать.

13 декабря. Был Кушелев. Рассказывал про интимную жизнь царя. Об этом нельзя писать, никто не знает, что может случиться, могут украсть и этот бесцветный дневник.

30 декабря. Ивашинцев рассказывал, что Суворов все волнуется, не может привыкнуть к новой хозяйке Зимнего дома; в интимности он ее понимает, но видеть ее во время официальных приемов – он к этому не может привыкнуть.

Был Полетика. Уверяет, что к новому году соберут Земский собор. Е. В. же уверял, что этому не быть.

1881 год

3 января. Все газеты полны разными пожеланиями на новый год, в каждой проглядывает желание, чтобы в России было другое правление. Одни за конституцию, другие за Земский собор – та же конституция под другим именем.

6 января. Прочла из «Русского вестника» рассказ Демчинского «Первая охота на медведя». Очень он метко очертил личность Гейнса в молодом генерале Дейне. Кто немного знает Гейнса, сейчас его узнает. Ловкий он человек и, по моему, приятный, но в рот пальца не кладит.

8 января. В Киеве открыты опять социалисты. В Харькове во время масленицы были разные тенденциозные маскарады. На одной процессии был представлен Толстой, бывший министр народного просвещения, – идет бледный, худой, а за ним несут трупы умершей молодежи на носилках и идут за трупами тоже студенты, не краше мертвецов.

13 января. Видела сегодня на улице государя. Тяжелое впечатление делает эта встреча. Теперь его сопровождают не 8 казаков, а гораздо больше, и уже за полверсты чувствуешь, что приближается что-то особенное, – и это наш царь!

15 января. Сегодня город разукрашен флагами по случаю победы над текинцами. Народ ее не понимает. Один дворник, на приказание пристава вывешивать флаги, спросил очень наивно: «Неужто опять промахнулись?» Вот до чего

го никто не знает и не следит за этой войной в народе.

29 января. Пришел Комаров, пришел от покойного Достоевского, говорит, что семья в нищете. Мною была высказана мысль, не попросить ли митрополита похоронить Достоевского безвозмездно в Александро-Невской лавре. Комаров схватился за эту мысль, и меня Е. В. и он попросили съездить к владыке попросить у него разрешения. Митрополит встретил очень холодно это ходатайство, устранил себя от этого, сказав, что Достоевский – простой романист; что ничего серьезного не написал; что он помнит похороны Некрасова, которые описывались, – было много всякого рода демонстраций, нежелательных в стенах лавры, и проч. Победоносцев на панихиде выразился, что «мы ассигнуем деньги на похороны Достоевского», и нелестно отозвался об Исидоре.

30 января. Сейчас был наместник лавры. Победоносцев тоже ходатайствует, чтобы похоронили Достоевского в лавре, и это ходатайство равняется приказанию. Митрополит прислал наместника нам сказать, что он исполняет нашу просьбу, дает место, и служение будет безвозмездно.

Таких манифестаций и оваций нельзя не запомнить. Все стремятся поклониться покойному Достоевскому, народ тысячами осаждает его квартиру. Большинство – женщины; они горько плачут, будто потеряли любимого отца или мужа. Будут 10 хоров певчих сопровождать его до могилы.

1 февраля. Был Я. Поляков. Ему рассказывал Краев-

ский, что женские курсы хотели вместо венков нести на подушках цепи на похоронах Достоевского, в память того, что он был закован в кандалы. Еще не утихли бурные страсти, еще жив дух протеста. Эти сходки и проводы, хотя и странные, смирные проводы, но такие многолюдные (говорят, было до 30 тыс. человек) могут повториться совсем при других условиях. Народ в этих похоронах не участвовал. Кто-то ответил на вопрос: кто умер? – «Говорят, какой-то писец». Значит, народ его не знал. Вся демонстрация была сделана учащейся молодежью, газетами и литераторами.

8 февраля. Пришел Шидловский (харьковский предводитель дворянства). Долго с ним говорила насчет настоящего положения России. Утешительного мало видит. У них в Харькове, в соборе, тоже по поводу смерти Достоевского на панихиде происходили необычайные явления: с кафедры церковной говорили речи светские профессора – вот прогресс, и не особенно желательный. В развязном тоне газет он также видит мало утешительного.

9 февраля. Вчера на акте в университете опять были беспорядки; кричали Сабурову «лгун, мерзавец» и давали ему еще другие эпитеты. Тяжело, что опять начинается брожение.

Золотницкий рассказывает, что Анненков хочет вызвать на дуэль Скобелева за то, что он не хочет послать второе донесение об его ране, так как первое не дошло, – посланный джигит был убит и не довез. Теперь у всех рождается по-

дозреение: было ли послано и первое донесение, или только Скобелев обещал послать. Теперь же он не решился послать ложное донесение, а сказал Анненкову, что послал.

14 февраля. Говорят, что Сабурова один студент во время университетского акта ударил. Неприятное положение. Он уже напечатал в газетах: просит прекратить все выражения соболезнавания по этому случаю и благодарит за сочувствие.

18 февраля. В дворянском собрании один дворянин Шакеев говорил речь против административной ссылки, предлагал просить государя ее окончательно уничтожить. Вот дух времени!

20 февраля. Говорят о двух наградах: Баранов-Веста – генерал, а Баранцов – граф.

Иславина рассказала анекдот про рану Зеленого: Мессарош, брат Карпович, защищая сестру от злых языков, сказал, что Зеленой ничего не может сделать, что он ранен в такое место, и что он это знает из верного, самого верного источника – от сестры, которая сама видела.

24 февраля. Заходил граф Игнатьев. Такой фокусник! Говорит, что ни за что не примет портфеля министра народного просвещения, что не только устно, но и письменно отказался от этого, но не прочь быть на месте Ливена, так как любит сельское хозяйство.

25 февраля. Утром был Бильбасов. Е. В. сумел склонить его к тому, что он согласился не писать более против насто-

ящего положения дел, а будет писать то, что правительству нужно, – в унисон с Лорисом.

1 марта. Такое страшное злодейство свершилось, что до сих пор не могу прийти в себя. Было у нас много народу. Еще не все разошлись – вбежал Скалой со страшным криком: «Сейчас было покушение на жизнь государя. Царь сильно ранен, двое конвойных убито и еще 8 человек контужено и ранено!» Е. В. подбежал к нему, не доверяя известию. Скалом был у нас в 2 часа и несколько минут.

Е. В. тотчас же отправился ко дворцу. Там масса народу: войска, свита государя, министры – толпились у дворца. Никого не впускали во дворец, кроме членов императорской фамилии. Е. В. пробрался с Милютиным и Грейгом на комендантский подъезд и там узнал тяжелые подробности. У государя были раздроблены обе ноги ниже колен, осколком окровавлено все лицо и грудь. Царя без фуражки посадили на полицмейстерские сани; два офицера стали по бокам, поддерживая голову, и в таком положении привезли во дворец. Случилось это в 1¼ часа, и уже в 3 часа 35 минут царя не стало. Такой позор трудно перенести.

У нас целый день сменялся народ – все с негодованием относятся к этому страшному делу. Е. В. был у митрополита, у Лориса. Скорбь великая. Дай бог, чтобы еще не прибавилось позорного пятна на страницы русской истории.

2 марта. Е. В. вернулся из собора очень расстроенный, заплаканный. Янышев сказал проповедь. «Государь не скон-

чался – он убит! Убит!» – закричал он на всю церковь. Эти слова были встречены глухими рыданиями.

Был Суворин. Он очень сдержанно себя держит.

Была принесена присяга новому императору. Тоже был выход во дворце. Цесаревич очень расстроен, говорил сквозь слезы. Она тоже. Тело покойного царя лежит в комнате рядом с его кабинетом, что называется «рабочая».

Много рассказывают разных подробностей. Когда новый царь узнал о несчастном событии, он так растерялся, что бросился на место покушения, и только проезжий генерал его, можно сказать, разбудил, сказав ему: «Ваше место во дворце, спешите туда».

Подробности начинают раскрываться. Он лежал на мостовой. Первым к нему подбежал офицер Новиков, потом вел. кн. Михаил, и таким образом его подняли. Лошади Дворжицкого испугались и умчались, но наконец их удалось поймать и посадить царя в сани.

3 марта. Найдены еще злоумышленники. Так их будет меньше. Не хочется верить, что их много. Печать трудно удержать – всегда проврется то одна, то другая газета. Говорят, что на месте гнусного, страшного происшествия толпы народа все сменяются. Какое страшное чувство – убить царя!

Сегодня покойного перенесли в церковь Зимнего дворца и была панихида. Говорят, государь очень изменился. Ему намазали лицо белой краской, чтобы не видно было ран, правая рука тоже в крови – какое страшное чувство!

Один из убийц, бросивший две бомбы, умер, а первый, Рысаков, мещанин (слава богу, не дворянин), говорят, начал выдавать своих. Молодой государь очень взволнован. Трудная ему предстоит задача. Дай бог ему справиться с крамолой и социализмом.

4 марта. Найден подкоп на М. Садовой, угловой дом, там помещался склад сыров «Кобозева», – по этой улице государь обыкновенно возвращался из манежа во дворец. Мина подведена под середину улицы. Очень тщательно сделано.

Рассказывают, что рядом, по левую сторону гроба, шла Юрьевская во время перенесения тела в церковь, составляя как бы принадлежность гроба. Нынешний государь, говорят, ей сказал: «Покойный государь нас разделял, но горе наше общее нас сблизило».

Читала прокламацию – извещает о смерти убитого государя. Видно, что не здесь напечатана, хотя помечена 1 марта 1881 года, а внизу «Типография “Народной воли”, 2 марта 1881 г.». Это уже у них было давно подготовлено, они уже решили с ним в этот день покончить, и по этому случаю во многих местах у них стояли готовые люди, и устроены разные вспомогательные средства.

5 марта. Тяжелое впечатление не укладывается, напротив – живет и растет с каждым днем. Трудно прийти в себя, опять начать прежнюю жизнь, отдаться прежним интересам. Говорят, найдено много новых людей. Дай бог, чтобы спокойствие и безопасность нового царя были обеспечены.

Рассказывают много новых подробностей о происшествии, какие минуты пережил царь. Подкоп на М. Садовой был сделан искусной рукой. Хозяин лавки скрылся.

Говорят, что вел. кн. Константин, которому приписывают много дурного, но который в этом деле, по моему убеждению, ни в коем случае не может быть повинен, в день присяги новому царю подошел к стоящему во дворце караулу Кавалергардского полка и дважды их поздравил с праздником – на это приветствие солдаты отвечали полным молчанием. Юный офицер, командовавший взводом, был смущен этим молчанием. Он не слышал поздравления и думал, что вел. князь здоровался. По его уходе он заметил это солдатам, на что ему старый фельдфебель, там находившийся, сказал: «Великий князь не здоровался, а поздравлял нас с каким-то праздником». Это было подтверждено и находившимся тут же камер-лакеем. Все это привело в большое волнение офицера.

Соханский привез рисунок того состава, которым смертельно был ранен государь. Весу в нем 6 фунтов, по виду – коробка конфет Ландрина, устроен он адски: так поставлены провода, что взрыв должен произойти во всяком случае, а последствия взрыва, к сожалению, мы знаем и век не забудем.

Е. В. поехал во дворец поклониться государю. Вернулся он с таким впечатлением, что все это внешнее, что окружает покойного государя, изглаживает впечатление, что из-

дали как-то больше, глубже чувствуешь эту утрату, сделанную таким страшным злодейским образом. Громадный золотой балдахин посреди церкви, по сторонам балдахина чины гражданские и военные, придворные; масса орденов; мало света; архимандрит читает евангелие. Изувеченное лицо государя, сильно пострадавшая рука, тело покоится глубоко в гробу, представляя из себя что-то маленькое, – вот что представляет теперь царь.

7 марта. Сегодня с утра большое движение в Петербурге. Переносят тело царя из дворца в Петропавловскую крепость. Везде столько полиции, столько войск, что через них трудно что-либо видеть. Но тревожные телеграммы, полученные из Берлина и других государств, конфиденциально сообщают, что эти меры необходимы, что у дерзких врагов ужасные замыслы, что они ищут случай произвести беспорядок.

Был Косаговский, приехал и Е. В. с Сувориным с церемонии. Оба говорят, что торжественности мало, что хорошо выступал сзади гроба – твердой поступью, с грустным, сосредоточенным выражением лица – молодой государь, чувствуя сотни глаз, устремленных с любопытством на него. Процессия шла врассыпную, особенно гражданские чины. Е. В. многим, кто к нам заходил, говорил, что необходимо энергично взяться за дело, предлагая очень рациональную меру, чтобы домохозяева отвечали за жильцов, что если будет что-либо подозрительное найдено в чьем-нибудь доме, то конфисковать дом в казну, – отдать его со временем, года

через два. Только этим одним и можно поправить дело, вывести людей из апатии, а это всего легче достигается, когда бьют людей по карману. Неужели трудно хозяину дома проследить за жильцами?

8 марта. Неделя событию, а все один разговор – возмущение, масса рассказов о новых арестах и проч. Пришел расстроенный Комаров, возмущен против полиции тем, что никто из народа не мог видеть процессию, что полиция вела себя непристойно, била народ нагайками.

Е. В. был у митрополита, который ему рассказывал про панихиды, им справляемые в присутствии высочайших особ. Когда все уходят, то к гробу приходит вдова покойного государя, княгиня Юрьевская, начинает с ним прощаться, обкладывает тело ароматическими подушками, которые сушатся рядом в особой комнате в Петропавловском соборе и которые меняются ею же два раза в день в гробу. Она всегда приходит вместе с Рылеевым.

До сих пор мало приехало иностранных гостей, но многих ожидают к похоронам. Везде те же чувства негодования.

13 марта. Рассказывают, что свита уговаривала наследного принца прусского не ехать на похороны в Петербург; на это маститый германский император сказал три слова: «*faisons notre métier*»¹³. И тяжелый «*métier*»¹⁴ выпал на их долю!

¹³ Займемся своим делом (*франц.*).

¹⁴ Дело (*франц.*).

Целый день слышишь все ужасные разоблачения. Теперь общество разделилось на два лагеря: одни говорят, что только репрессивные меры приведут дело в порядок, – сегодня представителями этого порядка были Толстой, Маркевич, не помню, кто еще; другие же того мнения, что теперь вернуть порядок, бывший при Шувалове, невыносимо, что это поведет к гибели России, что нужно созвать народных представителей, что нужны строгие меры, но разумные в то же время, что нужно реорганизовать полицию и проч., но что все это должно быть сделано по-старому, а не по-новому, по образцу Франции. Этим гораздо больше.

14 марта. Батьянов все продолжает говорить, что без конституции не может быть порядка. Он верно сказал, что успех Баранова вызовет неминуемо отставку от дел Лориса.

Говорят, произведено в городе до 70 арестов, и все более из интеллигентного класса.

Е. В. был у Лориса. Рассказывал, что вынес впечатление, что его обстановка напоминает канун осады Одессы во время Крымской войны, – все это говорит, ходит, но работы практичной не видно. Бедный Лорис скверно окружен. У Лориса одна мечта – вернуть себе вновь ту власть и доверие, которыми он пользовался, и не пощадить тогда тех, кто от него в эти дни отвернулся.

15 марта. Сегодня хоронят царя. Сегодня были многие из присутствовавших в крепости во время похорон. Рассказывают, что все прошло официально, мало было чувства. При-

бывшие депутаты тоже были допущены. Когда опустили гроб в могилу и когда царская семья оросила первую горсть земли, она уехала, и начали подходить собравшиеся, бросали цветы и землю и кланялись праху.

Косаговский говорит, что не дай бог теперь давать Земский собор, что это все дело сгубит. Теперь, кажется, об этом отложено попечение.

17 марта. Баранов, говорят, очень в милости у молодого царя: утром, во время приема, он все время там находился, и видно, что все за ним ухаживают, как за новой влиятельной звездой.

19 марта. Сегодня новый приказ как бы от министра внутренних дел, но *de facto*¹⁵ от Баранова: чтобы каждый домовладелец и хозяин квартиры выбрал бы от себя одно лицо, которому нашел бы полезным поручить в специальном совете, созданном из представителей всех околотков (по одному представителю от каждого), блюсти порядок в городе и собираться, чтобы обсуждать меры для охраны города от нигилистов.

Пришел Кушелев, рассказывал свои впечатления о прошедших событиях. Он один из первых вошел во дворец, когда туда внесли раненого умирающего царя на ковре. Кровь лилась ручьем. Кушелев намочил свой платок. Долго он не решался войти в кабинет, где, выдвинувши из алькова его постель и поставивши ее рядом с письменным столом, поло-

¹⁵ Фактически (*лат.*).

жили умирающего. Когда он вошел, на подушках в сидячем положении находился государь, его поддерживала княгиня Юрьевская и рыдала громко, тут же находились ее дети – сын и дочь. Рядом какой-то доктор мехами старался вдувать кислород в рот царя, лежавшего без ног – открытые колени и тут же кровавые лохмотья. Вот ужас! Вновь прибывавшие родичи, едва входили в кабинет – с истеричными рыданиями останавливались у входной двери. Наследник хотел увести детей, но Юрьевская сказала, что просит оставить их страдать вместе с матерью их. Все время она исполняла все приказания докторов. Когда государь скончался, у него отвалилась челюсть, – она взяла платок и им повязала голову царя. После этого наследник подошел к ней и обнял ее, а вслед за ним подошли к ней и поцеловали ее руку все остальные великие князья.

20 марта. Рано утром пришли объявить Е. В., что он избран в число лиц, призванных от околотка. Их было избрано 260 человек, теперь же из них будут избираться 25. Многие находят, что очень поспешно привели эту меру в исполнение.

В половине второго Е. В. отправился в дом градоначальника. Там все уже собрались. Баранов ведет себя недостойно своему сану: горячится и не дает высказываться. Е. В. выбрали депутатом в числе 25 человек, но, кажется, с Барановым нелегко работать: раньше, чем вопрос подвергается обсуждению, Баранов объявляет, что на такое распоряжение уже

последовало высочайшее соизволение. К чему же тогда эта комиссия?

21 марта. Умер Майдель, комендант крепости. На него подействовал допрос, сделанный... Рысакову в его кабинете, где он их обоих нашел развалившимися в креслах с папиросами в зубах у его письменного стола.

22 марта. В комиссию 25-ти выбраны: Трепов, Воронцов-Дашков, Глазунов, Квист, Лихачев, гр. Бобринский, бар. Фредерикс (командир Конного полка), Семевский, Меншуткин, Елисеев, Ламанский, гр. Левашев, Крундышев, Благово, Потехин (адвокат), Бекетов (ректор университета), Христианович, Заблоцкий-Десятовский, Богданович (Е. В.), Котомин, Краевский, Коростовец, Целибеев, Кобеко и Жуковский. Председатель – Баранов.

Говорят, поймали многих преступных личностей. Много и сочиняют. Теперь всех занимает, кто из министров останется на своем месте. Возмутительны рассказы о том, как высылали дам из крепости во время панихид, если они не были трех первых классов.

23 марта. Сегодня все члены Совета 25-ти в полном составе ездили представляться государю. Представлял их Баранов. Государь показался Е. В. очень крепким, сильным, видным. Теперь еще в нем мало привычки. Он их всех обошел, и этим кончился прием. Тут же был и Лорис.

Много рассказывают про разные аресты. Выслали из Петербурга француженку-модистку Теодор – она шила белье

маленькому наследнику и положила в карман письмо с угрозами. Взял также известный их техник Кибальчич, сын священника, — он признался, что изготовлял взрывчатые снаряды.

Сегодня Советом 25-ти отменено распоряжение градоначальника не пропускать, не опросивши, через заставы. Эта мера оказалась неприменимой ввиду массы народа, входящего в Петербург для снабжения населения молоком, маслом и т. д. Так как кладбища находятся за заставой, то некоторые покойники и сопровождающие их родственники не были пропущены через заставы. Эта мера вызвала общий ропот. На железных дорогах будут устроены турники, и возле каждого будет помещаться доверенная личность и будет следить за физиономией каждого приезжего. Карточки нигилистов-вожаков более или менее известны.

24 марта. Были у митрополита Исидора. Старик нам рассказал, что была оцеплена Охта, что в воскресенье там не было обедни по случаю того, что отнятые два ящика со снарядами и 20 фунтов пороху были снова украдены нигилистами.

Сегодня в Совет 25-ти были представлены две прокламации, в одной из которых нигилисты, меняя тон и начиная словами «ваше величество», требуют от государя конституции. Говорят, что если не даст, то раскается. Много рассказывают о разного рода ухищрениях этих лиц. Теперь, по последним сведениям, они разъезжают по деревням на хоро-

ших лошадях парой и стараются возмутить народ рассказами о том, что его новый царь хочет вновь закрепить, что отнимут у них землю, что они будут так же бедствовать, как и прежде, свободы у них не будет.

25 марта. Теперь много говорят о Баранове (градоначальнике). У него масса врагов, и его сильно бранят, называют шарлатаном и проч.

Теперь все разные перемены, новые назначения. Вот уже третий министр летит, Ливен, и его место занимает граф Игнатьев. Неважный преемник, у него уже давно есть кличка *menteur-pacha*, или *le roi du mensonge*¹⁶.

26 марта. Е. В. с утра отправился в суд. Это просто комедия судить этих людей. Их надо без суда наказать. Они взяты все на месте преступления, все не отказываются от сочувствия и участия в этом возмутительном деле – и их-то судить! Е. В. вернулся из суда, измученный безобразием этих людей. Все они вели себя очень покойно. Желябов не пожелал иметь защитника и сам говорил на суде. Говорил самоуверенно. Было очень много публики, все избранные, по билетам.

27 марта. Возмутительно ведет себя состав судей. Хотя и говорят, что убийцам надо дать высказаться, но я с этим совсем не согласна. Можно ли, чтобы они пользовались правом слова, эти преступники, и чтоб они смели еще выражать такие мысли, что они удовлетворены или неудовлетворены.

¹⁶ Лжец-паша, или король лжи (*франц.*).

Рассуждения Желябова о религии, циничные разговоры Перовской – все это действует губительно и на слушающих на суде, и на читающих газеты. Золотницкий со мной спорил, что этот суд должен был быть. Но, по моему разумению, я бы не допустила их судить – их деяния так подлы, без суда видно, чего они заслужили. Кушелев, со своим спиритическим направлением, говорил, что они действуют не своею волею, а что это их натолкнули злые духи.

28 марта. Никто не доверяет Баранову, все в нем видят шарлатана, – и этот-то человек пользуется таким доверием государя. Заходил Коростовец. Высказал очень верную мысль, что теперь все, даже молодые, чувствуют, что со смертью государя они переступили какую-то грань, что теперь всякого ожидает что-то неведомое, новое.

Под ужасной тайной я узнала, что Желябова после суда будут стараться заставлять говорить, чтобы от него выведать, кто составляет эту организацию. Это необходимо для общественной безопасности.

В одной комиссии, под председательством Палладия Рязанского, поднят теперь вопрос об урезании прав старост – хотят над ними поставить церковный контроль. С нашим духовенством возможно ли это? Сколько в России делается глупостей. Много повредил и еще повредит России Победоносцев. Он пользуется доверием юного монарха и до сей минуты никого к нему не приблизил достойного. Выбор Баранова – его выбор.

29 марта. Был Сперанский. Говорил, что видел имена лиц, которые замешаны в социализме, и их, известных, насчитывают 617 человек.

Сегодня Сенат вынес приговор шести преступникам – всех повесить. Перовскую представить на усмотрение государя, что касается ее дворянства. Говорят, их повесят в пятницу. Дай бог, чтобы попытали. Я не злая, но это необходимо для общей безопасности, для общего спокойствия.

Вчера профессор Соловьев (философ) сказал речь, где, говоря про настоящие события, оплакивая их, в конце коснулся суда, взывал к милосердию царя и заключил, что если этого не случится, т. е. милостивого прощения, «то мы, люди мысли, от него отвернемся». Как эти господа такими речами решаются волновать молодежь! Вот они, враги своего отечества!

От Лориса к Е. В. приезжал Безобразов (он замещает Скальковского). Его прислали с тем, чтоб Е. В. сегодня же переговорил с Сувориным и чтобы завтра «Новое время» напечатало в духе правительства статью. Е. В. тотчас же послал за Сувориным, долго с ним беседовал, и Суворин обещал написать то, что просят.

30 марта. Утром собрались старосты. Они составляют съезд против комиссии под председательством Палладия Рязанского, которая стремится к тому, чтобы причт контролировал старост – тогда все люди дела откажутся от этой должности.

Говорят, что на место Баранова будет назначен Гейнс, но я этому не верю. Говорят также, что вел. кн. Константин Николаевич арестован в Павловской (?) крепости, рассказывают так: он писал письмо государю и просил позволения приехать поклониться усопшему императору. Государь отвечал, что покойному он причинил много горя, и отказал. На это Константин Николаевич отвечал дерзким письмом, что и вызвало эту меру.

Бернский-Гамбургер рассказывает, что после панихиды, которую служили в его доме, еще никто не разошелся, как послышались у окна звуки шарманки, которых совсем нет в этом городе. Это тоже подготовленная демонстрация.

Производят много арестов. Одного из них, Арончика, взяли, когда он пришел на квартиру Кибальчича. Там уже сидела и ждала их полиция, но не догадалась и оставила снаружи двери ключ. Это дало подозрение Арончику, который запер дверь на ключ, а сам бежал, но был схвачен дворником дома.

Е. В. вернулся поздно из заседания Совета 25-ти. Опять у них все только разговоры. Уверяют, что Маков лишился места из-за перлюстрации. Он принес государю много выписок из разных писем, что вызвало негодование царя. На другой день последовало его увольнение.

Е. В. вчера сказал Суворину, чтобы он посоветовал Соловьеву написать Лорису письмо и просить, чтобы он был извинен государем за речь.

31 марта. Был Толстой, рассказывал свои впечатления

на суде. Говорит, что, когда убийцам прочли окончательный приговор, все они его выслушали нервно, но покойно.

Заехал герой дня, тот, кого не перестает разбирать, ругать, судить и проч. весь Петербург, – Баранов. Он проводил маленьких вел. князей на машину, а сам к нам заехал. Говорили про преступников. Баранов высказывает одно опасение, чтобы их не помиловали. Все, он думает, подадут об этом просьбы. Михайлов, Рысаков уже подали. От Рысакова он вчера получил письмо, где он просит на деньги, которые были найдены на нем в день ареста, поставить св. Николаю свечу в 50 коп., отслужить молебен Тихвинской божьей матери, помянуть одних «за здравие», других «за упокой», купить две палки шоколаду, две бутылки молока и называет еще, каких папирос.

Говорил Толстой, что якобы Желябов ему написал три письма. Первое подписал «начальник социалистической партии и народный учитель», второе – «гражданин Желябов», а третье – «ваш покорный слуга». Потом он просил газет, Баранов ему послал книги. Но вчера, отдавая книги, он сказал, что сел читать и ничего не понимает, что рассчитывал больше на свои мозги. Кибальчич, по словам Баранова, – самый опасный, также Перовская, остальные нет...

Государь живет в Гатчине, в антресолях дворца. Комнаты там очень жуткие и мрачные; он почти касается везде потолка.

Обедал Маркевич. У него одна песня – везде он видит

«красных». Это нехорошо.

1 апреля. Были Золотницкий и Косаговский. Первый говорит, что преступников надо помиловать, другой высказывает совершенно противоположное мнение. Это на каждом шагу: нет двух людей, которые бы сходились во всем безусловно. Косаговский рассказывал, что Циковский, поверенный Рысакова, ему передавал, что его доверитель не будет просить о помиловании, так как вот уже месяц он свyksя с мыслью, что его повесят, но не выдержал – вчера уже его просьба была подана одна из первых.

Вечером был Николаев, сочлен Е. В. по Криворожской дороге. Высказывал, что Кибальчич подал после суда большую тетрадь своему поверенному Герарду, целую систему о воздухоплавании, исходною точкой которой являются взрывчатые вещества, – на этом все построено: одно вещество вспыхивает, другое потухает, и так до бесконечности. Кибальчич говорит, что он над этим долго работал. Жаль, что такой недюжинный техник попал в это гнусное дело, он мог бы быть весьма полезен для науки. Он мало учился, до всего дошел сам, читая много и работая без чьей бы то ни было помощи.

2 апреля. Завтра преступников вешают. Сегодня Лорис едет с докладом к государю в Гатчину. Теперь он его уже не видит ежедневно. Кто-то будет главным советчиком молодого царя? Не дай бог, чтобы остался один Победоносцев. Он вреден и России, и царю, у него мелкая душа, он завистли-

вый, в нем течет поповская кровь, кроме того, он сильно боязлив, везде старается действовать позади, чтобы в случае неудачи он не был бы виноват.

3 апреля. Сегодня утром, в 9½ часов, совершена казнь над преступниками. Повешен первым Кибальчич. Его удачно повесили: он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если можно так выразиться) повешен: первый раз он оборвался и упал на ноги; второй раз веревка отвязалась, и он упал во весь рост; в третий раз растянулась веревка; в четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как слабо была завязана веревка. Доктора его в таком положении держали 10 минут. Перовская была удачно повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось довольно долго промучиться, так как палач Фролов (один-единственный во всей России палач) так был потрясен неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав их крепче, снова их предоставить их ужасной участи.

Виселица была устроена одна и на ней 6 колец, в 5-ти – веревки. Привезли преступников на позорных колесницах: Желябов и Рысаков – в одной, а Михайлов, Перовская посредине и Кибальчич – во второй. У всех были на груди доски с надписью: «цареубийца».

Казнь была на Семеновском плацу. Народу было очень много, много помято людей в толпе; одна женщина за приветствование Перовской была схвачена. Она влетела от толпы в дом по Николаевской; швейцар запер за ней дверь, чтобы спасти ее, но толпа, выломав дверь, избил швейцара, а также эту даму. У нее нашли револьвер.

У нас было много народу, каждый приходил с разными подробностями. Только один человек сказал, что видел людей, им выражавших сочувствие; все в один голос говорят, что толпа жаждала их казни. Вечером все кабаки были закрыты. Лорис благодарил по телефону Баранова от имени государя за поимку трех важных преступников. Какое ужасное время мы переживаем!

Вчера весь Петербург ходил к градоначальнику смотреть на пойманного неизвестного человека, чтобы кто-нибудь из посетителей мог назвать его имя, если узнает в нем лицо, с которым встречался.

4 апреля. Сегодня Е. В. был на совете у Баранова. Во время заседания совета Баранов объявил о поимке важных преступников. Пойман еще один техник, у которого оторваны во время работ два пальца. Фамилия его Исаев. Фредерикс спросил Баранова, как они его поймали. Баранов очень тонко ему ответил: «Не помню».

Все газеты полны подробностями о казни. Один мужик показал кулак преступникам; его схватили, думая, что он против полиции. Одну женщину схватили — она махнула

платком. В кармане у нее нашли 4 колоды карт. Тут много комизма.

5 апреля. Рассказывают, что из Парижа по ошибке перемешали гробы и вместо Рубинштейна привезли в Москву одну рижскую баронессу, которую и похоронили, а туда привезли Рубинштейна. Теперь родственники баронессы требуют возвратить ее тело. А Москва так торжественно похоронила ее вместо любимого таланта.

6 апреля. Рассказывают, что саперы роют у Каменного моста, будто там тоже найдена мина. Вероятно, они это сделали в тех видах, что по этой улице государь ездил в Царское Село, на машину.

15 апреля. Пришел Трепов. Он очень горячо говорил против высшей полицейской власти, сказал, что грешно тем, которые его отстранили от покойного государя, что он не допускает мысли, как могло случиться то, что случилось в Петербурге, что он от этой мысли может с ума сойти, что он подал записку вел. кн. Владимиру, как нужно организовать полицию.

Зашел Жуковский и, говоря про Совет 25-ти, вспомнил анекдот, который про совет рассказывают: подписывают сначала «Совет 25-ти», и Баранов после них подписывает свою фамилию, выходит – «Совет 25-ти баранов». Это остроумно.

Рассказывают, что опять появились прокламации. Рассказывают, что на днях государю устроили ванну в Гатчине, но он, к счастью, не сел, – прежде смерили градусы. Обнаружи-

лось, что там яд. Строгости в Гатчине большие – всегда нужно иметь при себе фотографическую карточку. Даже гофмаршал Грот без нее не ходит.

Баранов все врет. На днях рассказал Шувалову, адъютанту Владимира Александровича, что поймал 11 социалистов, хотевших взорвать пороховой погреб, а потом отперся от этой новости.

Шамшин и Ковалевский, вернувшиеся с ревизии, рассказывают ужасы про земства, про все безобразия, которые делаются в провинции.

16 апреля. Был Сологуб. Читал свою статью о братстве, которое он предлагает учредить для борьбы с нигилизмом. «Пора опомниться», – часто говорит он в статье.

Вечером Е. В. долго был у Игнатьева. Игнатьев много ему рассказывал. Все слухи о дарованиях, ожидаемых завтра, лишены всякого основания. Никаких льгот и либеральных мер не будет.

Подпольная деятельность врагов России продолжается. Вздумали в Москве на светлый праздник разбросать прокламации в деревянных красных яйцах. Вот люди с воображением! Правду сказал Жуковский, один из 25-ти, что они целый день заняты этим делом, следят за каждым нашим пробелом и сейчас придумывают угрозу.

18 апреля. Заехал Баранов. Говорит, что многие его упрекают в том, что государь живет в Гатчине, что будто он его запугал, но что он узнал об отъезде уже тогда, когда отъ-

езд совершился. Он спросил государя, нужно ли дать знать об его приезде, но государь отвечал, что все равно, что ничего не готово, что три комнаты легко приготовить, истопить. Первое время государь ходил в пальто, а императрица в бурнусае. Государю хотелось скрыться от взглядов любопытных, поплакать над своим горем.

Аресты продолжают производиться. Арестован один отставной артиллерист Лустиг.

20 апреля. Шахматова рассказывала, что ей за достоверное передавали, будто 14 лет тому назад в Сергиевской пустыни был монах, на которого временами находило сумасшествие. Во время одного из припадков он вбежал в трапезную, где собралась вся братия, с раскаленной кочергой и, бросив ее на пол, закричал, что рад, что успел исполнить, что желал. Когда монахи с настоятелем во главе просили его разъяснить, в чем дело, он повел их в покои настоятеля, где им представился портрет покойного государя с оторванными ногами и раной в боку. По уверениям лиц, видевших теперь портрет, на котором тогда сделали наклейки и живопись поправили, раны с ранами, нанесенными государю, совсем тождественны.

Тоже говорят, что 1, 2 и 3 марта в Москве был слышен какой-то особенный звон, — отовсюду казалось, будто из Кремля, а из Кремля — будто с Москвы-реки. Козлов посылал узнавать, откуда этот звон, но добиться не мог никто. Так и осталось загадкой.

Сегодня был монах из Сергиевской пустыни, Павел Петрович, и подтвердил рассказ.

22 апреля. Утром Е. В. был у Лориса. Вчера было экстренное заседание у государя. Из министров были: Лорис, Игнатьев, Абаза, Милютин, Николай, Набоков, Победоносцев. Решено образовать Кабинет с Лорисом во главе и с сохранением ему портфеля министра внутренних дел. Лорис сказал сегодня Е. В.: «Вчера, после 52 дней царствования, его честная натура выползла во всей своей красе». Милютин после заседания прослезился. Они совещались 2½ часа. Решено, что Кабинет будет собираться раз в неделю у государя, раз у Лориса.

Вечером Е. В. был в заседании Совета, сделал предложение, чтобы, по примеру Петербурга, всюду, во всех больших городах при губернаторах были организованы такие же советы. Его предложение было аплодировано. Баранов отвечал, что в ближайшем будущем это будет введено и что это будут не временные советы, а постоянные. Вчерашнее заседание у государя еще решило, что будут созваны представители от земств в Гос. совет в ближайшем будущем.

26 апреля. Был сегодня Молчанов. Рассказывает, что он слышал, что будет введена избирательная система по приходам, а после вторая будет баллотировка из избранных, чтобы составить желаемое число.

30 апреля. Вчера обнародован высочайший манифест. В нем только говорится, что надо побороть крамолу, подумать

о воспитании детей, дружно помогать самодержавной власти. Мне кажется, что мы и без манифеста должны были так поступать, и, сказать правду, меня это послание не удовлетворило.

Сегодня пришлось выслушать много разных мнений. Казанцы совсем потерялись, прочтя это послание. Говорят, что вчера на бирже такая паника, какой не было после плевненского погрома, курс упал на 2 %. Говорят, вчера Абаза бегал по кабинету как сумасшедший.

Золотницкий пришел сказать, что 5 министров подали в отставку: Лорис, Абаза, Николай, Милютин и Набоков. Этому я не верю. Мне хочется думать, что реформы, о которых шла речь 21 апреля, осуществляются.

Газеты очень понизили тон, они не говорят, что думают о манифесте.

Был Костанда, рассказывал, что вчера на параде Лорис был не в духе, а Милютин очень грустный, – ему тяжело, что есть люди, которые своими советами губят Россию и делают вред государю.

По всей России загорается сильное волнение. Сегодня печатают, что в Киеве были произведены беспорядки людьми, приехавшими с севера. Нигилисты теперь работают здорово и наша рознь, наша беспечность им помогают против их желания и чаяния. Тяжелый был бы сюрприз, если бы Лорис оставил свой пост.

1 мая. Манифест сам по себе написан так, что его стра-

шиться нечего. Жаль, что министры его поняли как оскорбление, им нанесенное. Лорис подал в отставку, до сих пор еще неизвестно, принята ли она. Абаза и Милютин сделали то же. Такие три министра уйдут – кто их заменит? Это все дела Победоносцева и Каткова. Лорис и не знал о манифесте до его выхода в свет, печатали его в сенатской типографии. Косаговский пришел оттуда. Лорис никого не принимает, лежит больной в постели, так ему сказали, а канцелярия его и адъютанты – все как в воду опущенные. Абаза тоже, говорят,казывается больным. Правда, с ними поступили, как с детьми.

Был Селифонтов. Говорит, что совет 21 апреля государь созвал, чтобы выведать, кто что думает, с кем он имеет дело, и теперь их всех знает и действует согласно своим убеждениям.

2 мая. Называют Игнатьева преемником Лориса.

Был Косаговский. Рассказывал, что будто 21-го, после заседания в Гатчине, вечером, Лорис, Абаза, Суворин и графиня Клейнмихель собрались у Нелидовой (еще было то лицо, которое это рассказало Косаговскому) и пили за победу 21 апреля.

Вернулись из Гатчины казанцы, государь их очень милостиво принял.

Факт свершившийся: Лорис ушел, на его место назначен Игнатьев. Милютин назначен на Кавказ. Абаза тоже уходит, называют вместо него Бунге. Вместо Игнатьева два канди-

дата: Островский и Качалов. Вместо Посыета – Бобринский (спирит или родстокист). Вместо Каханова – Куломзин. Вот назначение! Но, кроме двух первых, все последние – только слухи.

4 мая. Янишевский рассказывает, что Воронцов-Дашков производит ужасно неприятное впечатление, – очень бесцеремонно обращается с царем, ездит козырем, без всякого почтения, имеет вид настоящего временщика.

5 мая. Много новых арестов. Снова арестованы два моряка из минной команды, очень молодые люди и, говорят, на вид чрезвычайно порядочные.

Теперь снова мне рассказывали, что 21-го действительно было собрание у Нелидовой и был также и Милютин.

6 мая. Рассказывают, что государь назвал Нелидову «стервой» и выслал ее из Петербурга.

Говорят, что в Москве готовят овацию Лорису. Все иностранные гости очень сочувственно к нему относятся.

7 мая. La nouvelle du jour¹⁷ – выход в отставку Абазы. Это – крупное событие, до того крупное, что все этим заняты.

Деньги падают сильно. Сегодня на панихиде Ольденбургского, говорят, были люди, которые отворачивались от Победоносцева, не хотели ему кланяться.

Найдена мина, т. е. две кожаные подушки в 120 фунтов, под Каменным мостом. Найдена, говорят, мина под Балтийской дорогой. Государь должен был долго кружить по раз-

¹⁷ Новость дня (франц.).

ным направлениям, чтобы в последний раз приехать в Петербург. Милютин, говорят, согласен остаться, но предупредил, что у него останутся его прежние убеждения, но что в Военном министерстве они не будут иметь никакой нужды высказываться.

Завтра государь приезжает на похороны Ольденбургского. Страшно даже подумать, что его могут ранить в толпе.

Говорят, что арестовано 5 моряков, Суханов в том числе, – все минной команды. Суханова выдала, говорят, прачка. Она принесла белье, хотела поставить на пол – он вскрикнул: «Осторожнее, может взорвать». Прачка сказала мужу, тот барину, барин Баранову. Тогда за Сухановым стали следить, увидали, что он выходит часто переодетый, кто у него бывает, и, таким образом, многих взяли. Взяли также сожительницу Кибальчича. Делают, кажется, серьезные аресты.

8 мая. Теперь все хвалят циркуляр Игнатьева, каким уверенным тоном он написан. Еще год только прошел с воззвания Лориса к жителям столицы – и сколько уж произошло перемен.

Говорят, много взято офицеров всех родов оружия. Гейнс говорит, что в Казани он начал 12 дел крестьянских, где они оправдывали убийство царя.

Коростовец сидел долго, говорили о манифесте. Многое написано так, что надо было бы два раза подумать, прежде чем объявлять всему народу. О дворянах там сказано, что покойный государь сумел их привлечь к делу освобождения

крестьян, они всей душою откликнулись на призыв государя и охотно пожертвовали свое достояние.

В городе ходит слух, что Катков будет министром народного просвещения, – это насмешка. Говорят, что Милютин государь упросил остаться на один месяц. Абазу приезжал просить остаться вел. кн. Владимир. Сейчас Россия разделена на два лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни – за самодержавие, другие – за кабинет, третьи – за конституцию. В этом хаосе ничего не поймешь.

9 мая. Приехал Е. В. Говорит, что Москва недовольна манифестом. Рассказывают о приеме Игнатьевым министерства. Говорят, что он произвел хорошее впечатление. Он очень хитер.

У Лориса на приеме было всего 10 человек. Каковы люди! Рассказывают, что Игнатьев пришел к Победоносцеву спросить, что делать, как работать. Последний отвечал: «Надо молиться». Игнатьев на это отвечал, что молиться он поручил жене, а сам намерен работать.

10 мая. Был Кутайсов. Его посылают разведать и произвести следствие над жидовским делом.

Рассказывают, Дондуков сострил насчет Игнатьева в прошлую войну. Когда пришлось проводить демаркационную линию, Игнатьев начал с местечка «Вранье». На это Дондуков заметил: «И тут Игнатьев с вранья начал».

11 мая. Государь принимал сегодня депутацию евреев, сказал им, что они также отчасти виноваты, что их быют, что

они эксплуатируют население. Это было сказано между словами, и Воронцов позволил это напечатать. Но потом спохватились, что печатать опасно, и прислали Ивашкина-Потапова с запрещением.

16 мая. Вчера Вяземский (по делам печати) собирал редакторов, с ними говорил. Они от него хотели добиться многого, но из его слов поняли только то, что стеснений не будет, что будет по-прежнему царствовать либерализм; ему даже (т. е. Вяземскому) один редактор Полонский предложил, чтобы они начали с того, что простили бы все предостережения. Много говорили пустого и редакторы, и Вяземский. Это рассказал Е. В. Бильбасов, за которым уже начинает сильно ухаживать Игнатъев, а Катков (говорил Маркевич) уже начинает разочаровываться в Игнатъеве, которого все хвалил.

17 мая. Князь Гагарин говорил, что во вторник Милютин прощается с министерством. Его преемником называют Ванновского; говорят, большой интриган. Милютин сказал государю, что едет в Крым – «Там буду писать историю царствования моего государя». Правда, государь обижает прежних слуг своего отца. Говорят, что многие уйдут в отставку, когда будет назначен Ванновский.

18 мая. Зашел Баранов. Рассказывал, что многие теперь говорят, что Лорис – цареубийца, что было показание Гольденберга, где он говорит, что есть подкоп на М. Садовой, что будто книга эта была напечатана в 30 экземпляров и что Лорис это читал и не придал этому сообщению никакого зна-

чения. Каханова отставка уже принята.

Рассказывают, что Милютин побледнел и задрожал, когда узнал, что назначен будет Ванновский. Он сказал государю, что половина Генерального штаба уйдет. На это государь будто бы отвечал, что никого не намерен удерживать – пускай уходит кто хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.